

INSPIRIA

ЭММА ЧЕЙЗ

ROYAL

ПРИНЦ ГЕНРИ

LOVE

18+

INSPIRIA

Pink room. Влюбиться по-королевски

Эмма Чейз
Принц Генри

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чейз Э.

Принц Генри / Э. Чейз — «Эксмо», 2017 — (Pink room.
Влюбиться по-королевски)

ISBN 978-5-04-156064-5

Генри Пембрук, принц Весско, решается на авантюру. Он станет участником телешоу «Подберем пару». Реалити с участием двадцати самых красивых представительниц голубых кровей бьет все рекорды. В то время как Генри упивается дикими выходками соперниц, готовых на все ради победы, его внимание привлекает тихая девушка в очках – с голосом ангела и телом, которое могло бы соблазнить даже святого. Генри в растерянности: разве можно влюбиться по-настоящему в прямом эфире? Продолжение горячей истории о молодом принце от автора бестселлеров New York Times Эммы Чейз! На этот раз главным героем становится младший брат принца Николаса — Генри. Беспечный красавчик соглашается на участие в телевизионном шоу, где ему предстоит решить непростую задачу: отыскать среди 20 претенденток будущую королеву. Страстная, но романтическая история для фанатов Моны Кастен и Анны Тодд! «Столько твистов, которых совсем не ждешь от этой современной сказки, где принц просто не в силах устоять перед милой и любящей книги девушкой». – Одри Карлан, автор бестселлера Calendar Girl

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156064-5

© Чейз Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

1	6
2	12
3	18
4	25
5	31
6	38
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эмма Чейз

Принц Генри

1

Генри

– Вот черт... Ну что ж, покатаем шары.

Я сделал слайс¹.

Вроде так правильно? Слайс? Свинг? Хук? Нет, хук вроде из бокса... не уверен. Никогда не фанател от гольфа – слишком уж неспешная игра. Тихая. И чертовски скучная! Заниматься спортом я предпочитаю так же, как и трахаться – дико, громко, грязно.

Вот то ли дело футбол! Или рэгби. Полный физический контакт. Поло тоже в целом ничего.

Черт возьми, сейчас я б даже от игры в Квиддич не отказался.

– Простите, Ваше Высочество – что вы сказали? – спрашивает сэр Алоизий.

Передаю клюшку Майлзу, моему кедди², и быстро поворачиваюсь к людям, по милости которых подвергаюсь этой полуденной пытке.

– Я сказал: «Шары».

Лорд Веллесвол – очень похоже на Вельзевула – граф Пеннигтонский, прикрывает сморщенной ладонью свою серую бороду и покашливает, смущенно отводя взгляд. Ах, ну да, мне ведь нельзя говорить двусмысленностей. Это так неуместно и грубо и совершенно точно – ниже достоинства принца, наследника престола Весско. Да, я теперь обладаю этим высоким титулом, потому что мой старший братец – вот ведь убудодок – отрекся от престола и женился на своей чудесной американочке.

Весь этот последний год мне только и твердят: наследник должен вести себя подобающе.

Но я никогда не умел делать то, что мне велят. Такая вот проблемка.

А может, у меня просто такой инстинкт – мне говорят налево, я иду направо. Говорят сидеть – я прыгаю. А если велят: «Веди себя хорошо», я напиваюсь и прекрасно провожу выходные, трахая всех троих племянниц архиепископа.

Эти тройняшки, кстати, хороши. Интересно, чем они заняты в пятницу?

А, стоп, мне *не* интересно. Это ведь был старый Генри – веселый, беззаботный Генри, компания которого всем так нравилась.

Теперь я должен быть таким Генри, с которым никто не захочет тусоваться. Серьезным. Разумным. Достойным, даже если меня это бесит до смерти. Безупречное соответствие этикету – вот чего требует моя бабушка, королева. Того же ждут все члены Парламента, вроде Алоизия и Вельзевула. Это нужно моему народу. Все на меня рассчитывают, все от меня зависят. Я должен вести их к прекрасному будущему. Быть хорошим. Быть...

...королем.

Господи, у меня живот сводит каждый раз, когда я произношу это слово даже мысленно. А когда кто-то произносит его вслух – тут бы не поперхнуться.

¹ Слайс – термин из игры в гольф. Разновидность удара, во время которого мяч сначала вылетает прямо, но потом значительно отклоняется вправо – эти действия для игрока с правосторонней стойкой. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Кедди – термин из игры в гольф. Помощник игрока, в чьи обязанности в том числе входит и перенос спортивного инвентаря.

Ну что я могу сказать – если именно я должен стать Великой Королевской Надеждой своей страны, мы все круто попали.

– Прекрасно подмечено, принц Генри, – подхватывает сэр Алоизий. – А ведь и правда, то, насколько хорошо катится шар... в смысле, мяч, во многом зависит от его марки.

Он пытается исправить положение и порет фигню – ведь прекрасно же понимает, что я имел в виду. Но такова вся политика – все эти игрища, фальшивые улыбки и огромные ножи в спину.

Политику я ненавижу даже больше, чем гольф. Но теперь это моя жизнь.

Алоизий прищуривается, глядя на своего кедди.

– На следующей прогулке позаботься о том, чтобы у нас были приличные мячи, иначе я лично позабочусь о том, чтобы ты здесь больше не работал. Извинись перед принцем за свою некомпетентность.

Мальчишка бледнеет и низко кланяется мне.

– Прошу прощения, Ваше Высочество.

А у меня опять сводит живот.

Как Николас только мирился с этим все эти годы? Я думал, что он вечно все драматизирует. Что он просто нытик.

Теперь я оказался в его шкуре и понимаю. Реально дерьмово.

Вроде бы должно быть приятно – ну хоть немного, – когда все готовы угодить, разве что зад не облизывают. Но не когда тебя пытается ублажить целый клубок змей, щелкающих раздвоенными языками. Отвратительно.

– Не беспокойся, – говорю я парню, потому что у меня есть стойкое чувство: если я выкажу недовольство, Алоизий отыграется на нем.

Мы идем дальше, по грину³. Кедди отстают.

– Что вы думаете о новом законопроекте, касающемся репатриации, Ваше Высочество? – будто между прочим спрашивает Вельзевул.

– Репарти... что? – не задумываясь, переспрашиваю я.

– Репатриация, – поясняет Алоизий. – Закон позволяет корпорациям, на которые были наложены санкции в связи с нарушениями трудовых условий, возвращать свои капиталы в Весско из-за рубежа без каких-либо штрафных санкций. Это позволит им открыть тысячи рабочих мест. Принятие законопроекта Парламентом откладывалось неделями. Признаться, я удивлен, что Ее Величество не упомянула об этом.

Вероятно, упоминала – и об этом, и еще о тысяче других фактов, цифр, законов, юридических норм, которые мне нужно было знать. Причем желательно – вчера. Я ведь не идиот – я могу соображать блестяще, когда сам того хочу. И в школе всегда учился на отлично.

Мне просто трудно интересоваться тем, что мне реально не интересно.

Раньше бабушка отсылала мне меморандумы и прочее по имейлу, но после того, как мы грохнули дворцовый сервер, она стала передавать мне распечатки. На все то количество бумаги, которое сейчас скопилось у меня в комнате в ожидании, пока прочитаю, наверное, ушел целый лес.

Эх, прости меня, природа-матушка.

Может, в политические игры я играю дерьмово, зато прикрыть свои недостатки или незнание по теме я умею мастерски. Умею делать счастливое лицо, когда надо. Притворяться, играть роль.

Я же буквально всю жизнь этим занимаюсь.

– Да, разумеется, репатриация. Мне показалось, вы сказали «репрезентация». Я как раз углубился в более детальное изучение этой темы, и я думаю, она будет очень мне близка.

³ Грин – термин из игры в гольф. Участок поля для гольфа, где вокруг лунки растет самая короткая трава.

При взгляде на их озадаченные лица я скрещиваю руки, чуть опускаю голову и торжественно объясняю:

– Помимо общепринятого значения этого термина, «ре-презентация» – это распространение брошенных домашних животных среди пожилых людей. Я направлю вам меморандум с описанием.

Лорд Веллесвол кивает.

– Как интересно, – соглашается сэр Алоизий.

– И правда.

Вот это, дамы и господа, я и называю «хоул-ин-уан»⁴.

Алоизий берет свою клюшку и делает пробный взмах, прежде чем шагает к своему шару.

Пока он готовится нанести удар, он спрашивает меня:

– А как насчет репатриации? Как полагаете, это значимое дело?

На этот раз, прежде чем говорить, я подумал. Бабушка бы так гордилась!

Через мгновение киваю.

– Больше возможностей для рабочего класса – это всегда хорошо. Да, думаю, это хорошая идея.

Вельзевул расплывается в улыбке. Его желтые зубы блестят в лучах скудного послеполуденного солнца.

– Замечательно.

* * *

– О чем ты только думал?

М-да, оказывается, бабушка не так уж мной и горда.

Она бросает «Воскресные ровости» на стол, позволяя заголовку высказать мне все, что она думает, вместо нее.

«КОРОНА ДАЕТ ОБРАТНЫЙ ХОД И ПОДДЕРЖИВАЕТ СПОРНУЮ РЕПАТРИАЦИЮ».

Сидя напротив королевы так, что ее внушительный рабочий стол разделяет нас, я указываю на газету:

– Я сказал вовсе не это.

Мог бы и догадаться, когда меня только вызвали сюда – что-то точно пойдет не так. В конце концов, вызов в кабинет королевы не так уж отличается от вызова в кабинет школьного директора – ничего хорошего из этого обычно не выходит.

Она хмуро смотрит на меня, и я замечаю, что морщинки вокруг ее рта стали четче, глубже. Да, вот так я влияю на людей.

– Мы не один месяц лоббировали отмену этого закона. Единственное, что мешало пройти голосованию, это наше решительное неодобрение. А теперь ты одним махом все разрушил. Столько трудов зря!

Чувствую, как кожа под костюмом начинает зудеть. Провожу ладонью по волосам, которые – как мне сказали – нужно постричь. Да, вот именно поэтому они доросли почти до плеч.

– Я ничего не разрушал! Это было простое замечание в ходе беседы.

Королева упирается ладонями в стол и подается вперед.

⁴ Хоул-ин-уан (*англ.* Hole-in-one) – термин из игры в гольф, «лунка за раз». Попадание в лунку с площадки одним ударом. Случается чрезвычайно редко.

– Позвольте напомнить, что вы – наследный принц. Вы не можете позволить себе роскошь «простых замечаний в ходе беседы». Вы говорите от имени Дома Пембруков, и каждое ваше слово, каждое действие, каждый вздох могут быть вывернуты любым, кто сочтет это полезным. Генри, мы ведь уже не раз обсуждали это.

Когда-то я был бабушкиным любимчиком. У нас были особые отношения – ее всегда веселили мои истории и приключения. Но все пошло прахом, когда меня провозгласили ее преемником. Больше я ее не веселю. Черт возьми, иногда вообще кажется, что я ей больше не нравлюсь.

– Ты даже не удосужился прочитать нашу позицию по этому поводу, не так ли? Я велела Кристоферу направить тебе меморандум несколько недель назад.

Кристофер – личный секретарь королевы, ее лакей. Подозреваю, что в свободное от работы время он ходит с кляпом-шариком, украшенным ее фотографией, во рту.

– У меня не было времени.

– Ты не удосужился *выделить* на это время.

Когда отговорки не прокатывают, лучшая защита – это нападение.

– Ты сама настояла, чтобы я поехал на эту дурацкую прогулку, поиграть в гольф с Говнюками Номер Один и Номер Два.

Ее ответ не заставил себя долго ждать – резкий и точно в цель.

– Потому что я по глупости своей понадеялась, что тебе знакома фраза: «Держи друзей близко, а врагов – еще ближе». Как глупо с моей стороны.

Я раздуваю ноздри.

– Я не просил!

Не просил об этом назначении. Не просил об этой безумной ответственности. Я никогда не хотел получить ключи от королевства – я был счастлив просто на своем месте.

Бабушка распрямляется и вскидывает голову, непоколебимая и непреклонная.

– Верно, не просил. Но и выбрала я тебя не в первую очередь.

Ох.

Казалось бы, удар в живот от пожилой семидесятивосьмилетней дамы не может причинить большого вреда. Но если этот удар наносит женщина, которой я по-настоящему восхищаюсь, которая фактически заменила мне мать с десяти лет? Да, больно.

Поэтому я реагирую как обычно – откидываюсь на спинку стула, закидываю ногу на ногу, широко улыбаясь.

– Ну что ж, похоже мы в одной лодке, бабуля. Может, переименуем Дворец Весско... например, в «Титаник» или в «Гинденбург»?

Она не морщится, не моргает и, черт возьми, даже не улыбается. Взгляд ее блестящих серых глаз все такой же тяжелый, острый, как лезвие гильотины.

И такой же смертоносный.

– Тебе бы все шутки шутить. Но если этот закон будет принят, он отменит защиту низкооплачиваемых рабочих. Они будут уязвимы. Условия труда для них могут стать несправедливыми и, возможно, даже опасными. Как думаешь, тогда они будут смеяться над твоими шутками, Генри?

Черт, умеет же она! Комплекс вины, который прививают матери, уже само по себе эффективно, но комплекс вины, прививаемый королевой, – да-а, совсем другой уровень. Стираю с лица ухмылку.

– Я сделаю заявление, в котором изложу, что сэр Алоизий ввел меня в заблуждение и мои слова были вырваны из контекста.

Она качает головой.

– Это лишь подтвердит всему свету, что ты – дурак, которого легко ввести в заблуждение.

– Тогда я сделаю заявление, что как следует поразмыслил над всем этим и поменял мнение.

– В таком случае ты продемонстрируешь всему свету, что твоему слову нельзя доверять, что твои мнения изменчивы, а все твои слова – пустые.

Господи, похоже на китайскую ловушку для пальцев: чем сильнее пытаешься вырваться, тем крепче застреваешь. Я не курю, но сейчас не отказался бы от сигаретки. Или от бокала виски.

Пистолет тоже сойдет.

– И что мне, черт побери, делать?

– Ничего, – шипит она. – Я сама все исправлю. А ты отправишься в Гатри-Хаус и останешься там. Ни с кем не разговаривай, не развлекай гостей. Просто... читай, Генри. Учись ради всех нас.

Да, вот так королева и отправляет принца в его комнату подумать над своим поведением.

Она отворачивается к окну, сложив свои хрупкие морщинистые руки за спиной.

Я поднимаюсь, протягиваю к ней руку, собираюсь сказать... ну хоть что-то. Извиниться. Пообещать, что стану лучше. Потом моя рука безвольно падает – слова уже не имеют значения, меня уже отослали.

* * *

Я решительно прохожу через двери Гатри-Хауса. Исторически Гатри-Хаус – дом наследника престола, так что это местечко стало моей резиденцией за последний год. Эдакий дом-тюрьма. Я поднимаюсь по лестнице, перешагивая через ступеньки, в спальню. Как же хорошо видеть перед собой цель, направление, план.

А запланировано у меня – напиться до беспамьятства, пока собственное имя не забуду. И все титулы заодно.

Страницы, которыми увешаны стены, трепещут словно крылья птиц, когда я влетаю в комнату. Я не шутил, когда говорил, что бабушка прислала мне столько бумаги, что хватило бы на целый лес. Я расклеил документы по всей комнате, чтобы читать, пока одеваюсь, пока засыпаю и, первым делом, как просыпаюсь. Правда, когда хочется перевернуть, приходится закрывать глаза – все-таки правительственные документы та еще нудятина и убивают всякое желание. Тайно я надеюсь, что удастся как-то впитать в себя информацию, просто находясь вблизи от нее. Пока не сработало, осмос⁵ – чужь собачья.

Я сбрасываю темно-синий костюм – ужасно неудобная вещь и к тому же чертовски стесняет движения. Хоть мне и говорили, что он сидит на мне как влитой – все-таки не мой стиль. Каждый раз, когда надеваю его, такое чувство, словно влезая в чужую шкуру.

Помню, когда мне было лет пять или шесть, я примерил один из папиных костюмов. Мама сделала с десяток фотографий, посмеиваясь над тем, какой я очаровательный. Интересно, их сложили где-нибудь на чердаке? Что вероятнее – передали королевскому историку, который опубликует их после моей смерти. Ну, чтобы доказать, что принц Генри когда-то был настоящим мальчиком.

Отца я боготворил. Он всегда казался мне таким большим, высоким... больше, чем вся жизнь вокруг. Он был мудрым и уверенным, и не было ничего такого, с чем он бы не справился. Притом ему не чуждо было немного озорства. Он мог чуточку нарушать правила – водил нас с Николасом на концерты и в парки развлечений, пусть это и прибавляло седых волос охране.

⁵ Осмос – самопроизвольный перенос растворителя через полупроницаемую мембрану, не пропускающую растворенное вещество и разделяющую два раствора одного и того же вещества с различными концентрациями, либо чистый растворитель и раствор.

И папа не возражал, если мы играли грубо или могли запачкаться на прогулке. А однажды он даже раньше ушел со встречи с премьер-министром, чтобы поиграть с нами в снежки во дворе.

Бывают такие дни, когда мне кажется, словно я опять примерил костюм отца. И как бы я ни старался... костюм этот никогда не будет мне по размеру.

– Куда это вы собираетесь? – спрашивает мой суровый дворецкий Фергус, глядя на сваленный в кучу костюм на полу.

Я натягиваю выцветшую футболку, застегиваю любимые джинсы.

– Загляну в «Козла»⁶.

Он, весьма ожидаемо, скептически хмыкает.

– Королева велела, чтобы вы никуда не уходили.

У меня есть две теории, откуда Фергус знает все, что знает, – либо у него весь дворец на прослушке, с камерами, за которыми он неустанно наблюдает из какой-нибудь потайной комнаты, либо он и правда подключен к какому-то «всевидящему оку». Надо будет как-нибудь спросить... хотя тогда он, скорее всего, просто назовет меня кретином за такие вопросы.

Я затягиваю шнурки разношенных армейских ботинок.

– Вот именно. А как мы оба знаем, я никогда не умел делать то, что мне велят. Распорядись, чтоб подали тачку.

⁶ Паб *Horny Goat* – игра слов. Horn по-английски рог, а horny чаще употребляется не как «рогатый», а как «сексуально возбужденный».

2

Генри

Если б столица была университетским кампусом, паб *Horny Goat* был бы моим убежищем. Эдаким коконом. Теплым уютным пледиком, если к такому прилагается еще и пара бутылок горячительного.

Это местечко – историческая достопримечательность, одно из старейших зданий города, с протекающей крышей, кривыми стенами и неизменно липкими половицами. Ходят слухи, что когда-то здесь был бордель. Что ж, весьма поэтично – не из-за распутства, а из-за всех тех секретов, таившихся в здешних стенах. И надо сказать, до сих пор таятся. Ни одна история обо мне или о моем брате ни разу не просочилась из-за его шаткой двери. Ни одна из произнесенных здесь пьяных королевских цитат никогда не повторялась и не передавалась прессе.

Все, что случилось в Вегасе, не всегда остается в Вегасе. Но что бы ни случилось под крышей *Horny Goat* – оно никогда не просачивается наружу.

Человек, благодаря которому здесь и соблюдается вся эта «атмосфера секретности» – владелец, Эван Макалистер. Его семья владеет «Козлом» вот уже несколько поколений. Когда я забираюсь на стул у барной стойки, именно он, этот крепкий мужик во фланелевой рубашке, ставит передо мной пинту пенного.

Я поднимаю ладонь.

– Двинься-ка в сторонку, «Гиннесс». Здесь может помочь только виски.

Макалистер подхватывает бутылку со стены за барной стойкой и наполняет мой стакан.

– Непростой день во дворце, Ваше Высочество?

– Да, похоже, они у меня все такие в последнее время.

Поднимаю стакан, запрокидываю голову и осушаю залпом.

В основном люди пьют, чтобы притупить чувства, забыться. Но жжение в горле для меня скорее приятно. Так я чувствую, что пробудился. Что жив. Так я могу сфокусироваться.

Жестом велю налить еще, спрашиваю:

– А где нынче Мег?

Мег – дочка Макалистера, с которой мой брат частенько раньше коротал вечера, еще до встречи со своей Оливкой. Я не слишком разборчив в том, что касается женщин, и ничего не имею против чьих-то бывших, ну а Мег не сказать чтоб сентиментальна. Но ее я б не стал трахать, даже если бы наступил конец света. Когда дело касается противоположного пола, мое единственное правило – не присовывать туда, где бывал мой братец.

Это же просто отвратительно.

Но посмотреть на ее красивое личико было бы приятно. И чего уж, на ее задницу тоже.

– Она начала встречаться с одним парнем, вот с ним сейчас и гуляет. Тристан или Престон, как его там... на фирму-производителя женских блузок похоже, – он наливает виски и себе и ворчит: – Беспольный ублюдок этот Престон.

– Это можно сказать обо всех нас, правда же?

Макалистер ухмыляется.

– Вот и жена мне любит так говорить. Мол, я был совершенно безнадежен, пока она мной не занялась.

Я поднимаю бокал.

– Ну, за хороших женщин. Пусть они никогда не перестанут видеть нас такими, какими мы могли бы быть. И не одобрять нас такими, какие мы есть.

– Аминь.

Мы чокаемся и осушаем бокалы.

– Я, пожалуй, за это тоже с радостью выпью.

Этот комментарий дает миниатюрная брюнетка, которая садится на барный стул рядом со мной.

Я почти физически чувствую, как Джеймс, мой доблестный светловолосый безопасник, следующий за мной повсюду, точно тень, наблюдает за нами со своего места у двери. Я привычен к наряду охраны, ничего нового, но за последний год охрану усилили, и стало тяжелее – как петлю затянули.

– Что вам налить, мисс? – спрашивает Макалистер.

– То же, что и принцу Генри, – с улыбкой отвечает она, выкладывая на барную стойку достаточно купюр, чтобы оплатить за нас обоих.

Женщины мне нравятся. Нет, не так – я их просто обожаю. Люблю, как они двигаются, как они думают. Люблю их голоса, запах их кожи, их тепло и мягкость. Но в этой женщине нет ничего мягкого. Она вся как будто состоит из сплошных углов – четкие скулы, острые локти и колени, узкий подбородок, темные, коротко стриженные волосы. Нет, не то что она не привлекательна – просто тонкая и острая, как стрела. У нее американский акцент. Выглядит моей ровесницей, но буквально излучает некоторую агрессию, с которой я сталкивался только у женщин среднего возраста. Пантеры⁷. Пантер я просто обожаю – опытных женщин, знающих, чего они хотят, достаточно уверенных в себе, чтобы сказать об этом вслух.

Я заинтригован. И возбужден. Черт возьми, хорошего, качественного секса у меня не было... со свадьбы Николаса. Господи, целых несколько месяцев! Неудивительно, что мне так хреново.

Макалистер наполняет кружку «Гиннессом» и выставляет перед ней стакан виски, а потом наполняет мой и отходит по каким-то своим делам на другой конец бара.

Я поворачиваюсь к ней на стуле и поднимаю стакан.

– Ваше здоровье.

Глаза у нее льдистые, голубые.

– До дна.

Подмигиваю ей:

– Я вообще все предпочитаю доводить до конца.

Она фыркает и осушает свой бокал залпом, как настоящий профессионал. Облизнув губы, она смотрит на мое левое предплечье.

– Классная татуировка.

По сути, это две татуировки – от запястья идет королевский герб, а под ним – военный герб Весско. Первую я набил, когда мне было шестнадцать – ускользнул от службы безопасности после комендантского часа в пансионе и отправился в город с парочкой друзей. Я надеялся, что спрячу ее под длинными рукавами и бабушка никогда не узнает. Я заблуждался ровно один день – вот сколько времени потребовалось, чтобы мои фотографии в тату-салоне разлетелись по всем газетам. Вторую татуировку я добавил спустя несколько лет – сразу как прошел базовую подготовку. У ребят, моих сослуживцев, такие же.

– Спасибо.

Женщина протягивает мне руку.

– Я – Ванесса Стил.

Точно американка. Будь она из Весско, поклонилась бы. Пожимаю ее ладонь, сухую и гладкую.

⁷ В оригинале, соцгаг, пума. Это слово в сленге относится также к женщинам средних лет, которые предпочитают более молодых мужчин.

– Генри. Но вы, похоже, и так это знаете.

– Да, знаю. С вами не так легко связаться.

Потягиваю свое пиво.

– Ну, как вам такой план – сейчас я допью, и можете связываться со мной как вашей душе угодно, красавица.

Она смеется, и ее глаза сияют.

– Вы даже остроумнее, чем я представляла, – она постукивает пальцами по барной стойке. – У меня есть для вас предложение.

– Ух ты, обожаю, когда мне делают предложения. К тебе или ко мне? – вспомнив, прищелкиваю пальцами. – Но нужно будет заскочить во дворец. Тебе придется подписать соглашение о неразглашении – ну так, формальность. А потом можем перейти к сладкому.

Ванесса облокачивается на барную стойку.

– Не *такого рода* предложение. Я не хочу спать с тобой, Генри.

– А кто говорил о сне? Я говорю о сексе. О хорошем сексе. Много, бурно.

Ее красивое лицо краснеет, и она смеется.

– Я не хочу заниматься с тобой сексом.

Поглаживаю ее по руке.

– Ну, глупости какие. Игра в кошки-мышки может раздраживать, но она совсем необязательна, – я перехожу на шепот. – Со мной прокатывает и без этого.

Улыбка у нее лукавая, уверенная.

– Да, слышана. Но речь о деловых перспективах, а я никогда не смешиваю бизнес и удовольствия.

Я тут же теряю интерес. Слова «бизнес» и «дела» действуют на меня лучше, чем ледяной душ.

– Очень жаль.

– О, но, может, не так все плохо. Я – телепродюсер. Слышали о передаче «Подберем пару»?

Я прищуриваюсь, припоминая.

– А, одно из тех реалити-шоу знакомств? Типа «Выжившего», только с женскими драками и стрингами.

– Точно.

Краем глаза замечаю, как Макалистер подал знак одному из своих вышибал – крепкому парню с толстой шеей. Ванесса, должно быть, тоже заметила, потому что заговорила быстрее.

– Я готовлю специальную серию выпусков – *королевскую* – и хочу, чтобы вы стали звездой этого шоу. Мы обо всем позаботимся, все устроим. Двадцать белокурых красавиц голубых кровей в одном замке, и все, что от вас потребуется – это позволить им из кожи вон лезть, чтобы вам понравиться. Непрерывающаяся вечеринка длиной в месяц. И к тому же, таким образом вы сможете выполнить самый важный пункт в своем списке королевских обязанностей: выбрать себе королеву.

Что касается подачи – ей это удастся неплохо. Некая дремлющая часть меня, нужды которой я так долго откладывал, просыпается и потягивается, вспоминая о прежних беззаботных деньках. Такое чувство возникает долгими зимними ночами, когда понимаешь вдруг, что очень соскучился по летнему солнцу.

Вышибала уже стоит у нее за спиной.

– Вам пора, мисс.

Ванесса поднимается.

– Представь, что я – женская версия Билли Кида, – она подмигивает мне. – Я сделаю тебя знаменитым.

– Я уже и так знаменит.

– Но тебе ведь это уже не по нутру, да, Генри? Я могу сделать для тебя кое-что такое, чего не может никто другой. Чтобы слава снова была в удовольствие, – она кладет на барную стойку визитку и подвигает ко мне. – Просто подумай, а потом позвони мне.

Смотрю ей вслед, пока она идет по бару и выходит на улицу. Я не собираюсь принимать ее интересное предложение и все-таки прячу визитку в бумажник. Чисто на всякий случай.

* * *

С точки зрения музыкальной композиции восьмидесятые чертовски недооценены. Я пытаюсь использовать свое положение, чтобы привлечь внимание к этой исторической несправедливости, и распеваю баллады восьмидесятых при любой возможности. Вот прямо сейчас я пою *What About Me Moving Pictures*⁸ на сцене караоке. Это был их единственный хит, одно-разовое чудо, трогательное выражение жалости к себе. Мои глаза закрыты, когда я пропеваю слова и качаюсь за микрофонной стойкой.

Не попадаю в такт – я так накидался, что хорошо хоть вообще на ногах стою.

Обычно еще и на гитаре играю, но мелкая моторика отказала мне еще пару часов назад. Вообще, я потрясающий музыкант, правда не то чтоб это кто-то замечал. Мой талант теряется в тени титулов, как всегда бывает, например, в семье двух успешных звезд, где таланты их детей обесцениваются весом всех их предыдущих достижений.

Любовь к музыке мне привила мать – она играла на нескольких инструментах. У меня были учителя сначала по фортепиано, потом – по скрипке, но покорила меня гитара. Сцена караоке в *Horny Goat* стала мне вторым домом, и в последние несколько часов я всерьез подумывал, не перебраться ли мне под нее окончательно.

Гарри Поттер был Мальчиком-из-Каморки-под-Лестницей, а я мог бы стать Принцем-из-под-Сцены. Почему бы и нет, черт побери?

Когда я повторяю припев, то на периферии восприятия улавливаю чьи-то шепотки. Я их слышу, но суть не особо улавливаю.

– Господи, и давно он такой?

Этот голос мне нравится. Успокаивает. Глубокий, утешающий. Напоминает мне о брате, но это не брат, ведь Николас сейчас в далекой-далекой стране.

– Ему все тяжеловато дается.

А вот этот голос похож на Саймона, лучшего друга моего брата. Время от времени он меня навещает, проверяет, как я там, потому что он – хороший.

– Последние несколько месяцев были особенно трудными, – говорит Саймон⁹, – не путать с электронной игрой.

– Месяцев? – человек с мягким голосом поперхнулся.

– Мы не хотели тебя беспокоить, пока и в самом деле не было причин.

Этот голос прекрасен. Похоже на потрясающе и пугающе прямолинейную жену Саймона, Франни. Интересно, у Франни есть сестра-близнец? Если есть – вот уж за кем бы я приударил!

– Джеймс связался со мной, когда он отказался ехать домой. За последние пару дней у него ситуация от просто плохой...

– ...пробила дно, – говорит Франни, заканчивая фразу Саймона. Они такие милые, понимают друг друга с полуслова. Хештег «идеальные отношения».

– Вау. У вас, ребят голубых кровей, ничего не делается вполсилы, да? – вмешивается приятный голос с отчетливым американским акцентом. – Даже нервные срывы с размахом, чтоб сразу исторического значения.

⁸ Самый известный трек альбома *Days of Innocence* австралийской группы *Moving Pictures*, 1982.

⁹ *Simon* – популярная игра для развития памяти, создана в конце 70-х.

Песня заканчивается, и в следующий миг я открываю глаза.

Одиноким посетителем за столиком аплодирует. Пепел с его сигары, зажатой между пальцами, падает на пол.

А потом я поднимаю взгляд... и мне открывается поистине великолепное зрелище.

Николас, мой старший брат, стоит у барной стойки, и на его лице отчетливо отражается беспокойство. Может, просто нафантазировал себе, но я не против – согласен и на фантазию.

Улыбаясь, я шагаю вперед, но забываю о сцене... о том, что стоял на ней. В общем, один шаг – и все катится к чертям, потому что в следующий миг перед глазами все темнеет.

* * *

Когда открываю глаза в следующий раз – оказывается, я лежу на полу, на спине, уставившись в заляпанный пятнами потолок *Horny Goat*. И... Кажется, тут налипла жвачка. Что за придурок лепит жвачку на потолок? Он наверняка опасен для окружающих.

Брат склоняется надо мной – его лицо загораживает все остальное. Меня буквально захлестывает сладостным чувством облегчения.

– Николас? Это правда ты? Здесь?

– Да, Генри, – мягко отвечает он. – Это я, и я правда здесь, – его широкая ладонь касается моего лба. – Да уж, здорово ты упал. Ты в порядке?

В порядке? Да я, блин, летать готов от радости.

– Мне снился такой нелепый сон, – я тыкаю пальцем в брата. – Там был ты, – указываю на Саймона рядом с ним. – И ты, – потом на Франни – все они столпились вокруг. – И ты тоже. Ты... отрекся от престола, Николас. И все захотели сделать королем меня, – я понял, что ржу, как сумасшедший... а потом мой взгляд падает на эту женщину – темно-синие глаза, мягкие губы, черные вьющиеся волосы.

Я вижу как девчонка: «А-а-а-а!»

Это Оливия, жена брата. Та самая американочка, реальнее некуда.

– Так это был не сон, да?

– Да, Генри.

Я откидываюсь обратно на пол.

– Бли-и-и-и-ин... – мне становится несколько стыдно. – Извини, Оливка. Ты же знаешь, я считаю тебя суперклассной.

Она ласково улыбается.

– Не волнуйся, Генри. Мне очень жаль, что тебе так тяжело.

Тру лицо ладонями, пытаюсь мыслить ясно.

– Так, все хорошо. У меня есть новый план... отличный план, да. Теперь мне не придется жить под сценой.

– Ты собирался жить под сценой? – переспрашивает Николас.

Я машу рукой.

– Забей. Это была глупая идея Поттера. Мальчик, Который Выжил, чтоб его.

А вот теперь брат выглядит обеспокоенным всерьез. Я указываю на него:

– Но вы ведь приехали. Вы могли бы забрать меня с собой, в Штаты.

– Генри...

– Где там ваш усталый, бедный угнетенный народ, жаждущий свободы... Вот это прямо про меня! Я усталый и угнетенный, Николас!

Он чуть сжимает мои руки, и его слегка трясет.

– Генри. Ты не можешь переехать в Америку.

Я хватаюсь за его рубашку, а мой голос приобретает те же нотки, как у ребенка, сознающего, что он видит мертвых.

– Но она такая плохая, Николас. Она. Такая. Плохая.

Брат похлопывает меня по спине.

– Знаю.

Николас и Саймон помогают мне встать на ноги.

– Мы со всем разберемся, – говорит брат. – Все будет хорошо.

Качаю головой.

– Ты всегда так говоришь. Но сдаётся мне, ты ни черта не представляешь, о чем говоришь.

3

Генри

Потом все как в тумане. Реальность я вижу вспышками. Поездка на машине во дворец.

Я блеванул на розовые кусты, которые моя прапра-прабабушка, леди Адалин, приказала посадить за пределами дворца. Николас и Саймон укладывают меня в постель, пока Оливия комментирует что-то по поводу бумаг, пришпиленных к стенам. Говорит, они напоминают ей сарай Рассела Кроу в «Играх разума».

Потом... потом только нежная бездна.

Но пустота длится недолго, ведь я страдаю бессонницей – недугом чемпионов. Так было всегда, сколько себя помню. Я сплю каких-то несколько часов, даже в те ночи, когда по моим жилам вместо крови бежит в основном алкоголь. Когда прикроватные часы показывают час ночи, я неуверенной походкой направляюсь в кухню, опираясь на стену. Желудок бурчит при мысли о печенках.

Не припоминаю, чтобы в *Horny Goat* я успел поесть. И как долго я там вообще пробыл? День? Может, два. Нюхаю подмышку и морщусь. Точно два. «Охренеть...»

Как следует натрескавшись и взяв немного с собой, я, спотыкаясь, брожу по коридорам дворца. Этим и занимаюсь ночами – прямо как посетители американских торговых центров. Я не могу оставаться в комнате, в любой комнате, где стены словно смыкаются вокруг меня. Двигаться приятно, даже если я никуда конкретно не направляюсь.

В конце концов прихожу в синюю гостиную рядом с личными покоями королевы. Дверь слегка приоткрыта – достаточно, чтобы увидеть, что внутри горит свет, и ощутить запах поле-
ньев, горящих в очаге, и услышать голоса внутри.

Прислонившись головой к дверному косяку, я слушаю.

– Ты хорошо выглядишь, мой мальчик, – говорит бабушка. В ее голосе звучат те теплые нотки нежности, которые я хорошо знаю, ведь прежде она обращалась так только ко мне.

Ревную? Да, есть немного.

– Семейная жизнь тебе идет.

– Семейная жизнь с Оливией, – уточняет брат.

– И то правда.

Я слышу тонкий звон хрусталя – кто-то наливает жидкость из декантера. Полагаю, это шерри.

– Оливия уже спит? – спрашивает королева.

– Да. Уснула пару часов назад. Пока не привыкла к разнице во времени.

– Я надеялась, она утомилась из-за беременности.

Брат поперхнулся, смеется.

– Мы женаты всего три месяца.

– Когда я была замужем три месяца, уже как два с половиной месяца вынашивала твоего отца. Чего вы ждете?

Я практически слышу, как он пожимает плечами.

– Торопиться некуда. Мы... наслаждаемся друг другом. Временем вместе.

– Но вы же собираетесь заводить детей?

– Конечно. Когда-нибудь.

Слышу скрип стула и представляю, как они придвинулись ближе друг к другу, сидя рядом у камина, наслаждаясь беседой.

– Скажи мне, Николас, теперь, когда пыль немного осела... ты ни о чем не сожалеешь? Он говорит тепло, но сам его тон твердый, с металлическими нотками.

– Ни о чем. Вообще.

Бабушка хмыкает, и я представляю, как она потягивает шерри – элегантно, как всегда.

– Но мне любопытно, – добавляет Николас. – Если бы это были вы... Если бы вам пришлось выбирать между дедушкой и тронном, что бы вы сделали?

– Я очень любила твоего деда... все еще люблю его, ты знаешь. Но если бы мне пришлось выбирать, я бы не выбрала его. Помимо детей, любовью всей моей жизни было государство.

Последовала тяжелая пауза. Николас тихо говорит:

– Для меня никогда не было так. Вы ведь понимаете?

– Теперь понимаю, да.

– Я всегда понимал, чего от меня ждут, и всегда исполнял свой долг так хорошо, как только мог – но я никогда не любил власть. И никогда по-настоящему не желал ее.

– Ну а теперь ты доволен, да? Рестораны, благотворительная деятельность, которой ты занимаешься вместе с Оливией и мистером Хэммондом?

Николас отвечает не сразу, а когда говорит, его голос звучит задумчиво.

– Я не просто доволен. Я счастлив. До смешного счастлив. Я даже не мечтал, что такое возможно – быть счастливым каждый день.

– Вот и хорошо, – заявляет бабушка.

– Но есть кое-что, – добавляет Николас. – Небольшое пятнышко на солнце, – его слова тихие, колючие, словно до этого долго теснились в горле и все никак не могли вырваться. – Я знаю, что разочаровал вас. Я никогда этого не хотел, и все же так получилось. Не предупредил вас, не обсудил с вами. Бросил вызов своей королеве, а ведь вы вырастили меня, чтобы я мог добиться большего. Я прошу прощения. Мне очень жаль.

Стук хрусталя по дереву – королева отставляет бокал на тумбочку.

– Слушай меня внимательно, Николас, потому что я скажу это только один раз. Ты ни разу не разочаровал меня.

– Но ведь...

– Я вырастила тебя лидером. Ты взвесил ситуацию, оценил варианты и сделал свой выбор. Ты не отступил, не ждал разрешения. Ты действовал. Это... да, именно так поступают настоящие лидеры.

Он отвечает с легкостью, с облегчением:

– Хорошо.

Еще одна пауза, на этот раз спокойная. Кажется, мой брат потягивает свой шерри, а потом говорит:

– Кстати о выращивании лидеров...

– Да-а, – королева вздыхает. – Можем обсудить этого пьянчугу, спящего у себя, – она усмехается. – Он, как там это говорят у вас в Штатах... тот еще фрукт.

– Это точно.

Я поворачиваюсь, прижимаясь спиной к стене и сползая на пол. Не то чтобы я не привык, что все меня обсуждают – черт возьми, мои достоинства и недостатки порой обсуждают прямо в моем присутствии. Но это... тут все иначе.

Хуже.

– Помните тот праздничный школьный спектакль, в котором участвовал Генри? Последнее Рождество с мамой и папой... и у него была главная роль. Скрудждж, – Николас смеется.

– Смутно припоминаю. Я ведь не была на спектакле.

– Я тоже. Но папа рассказывал. Они волновались, что, если я тоже пойду на спектакль, пресса, учителя Генри и одноклассники будут крутиться вокруг меня, и Генри потеряется. И они были правы, – стул скрипит, когда брат меняет положение. – Генри всю жизнь провел в

моей тени. Теперь он на передовой, в центре внимания, прямо в ослепительном свете прожектора. Конечно же, он немного шурится. Ему нужно немного времени, привыкнуть.

– У него нет этого времени.

– Вы же не собираетесь умирать в ближайшее время? – шутит Николас.

– Конечно же нет. Но мы оба знаем, случается всякое. Он должен быть готов. Ты не понимаешь, Николас.

– Я прекрасно понимаю. Возможно, я – единственный, кто понимает.

– Нет, не понимаешь. Тебя готовили к тому, чтобы занять трон, с тех пор, как ты только начал ходить. Вокруг тебя происходила тысяча вещей, которых ты даже не понимал и не замечал. То, как к тебе обращались другие, то, как с тобой беседовали, чему тебя обучали и как. Генри за целую жизнь этого не наверстать.

– Это ему никогда не удастся, если вы сломаете его, – резко возражает Николас. – Если целой тысячей вещей вы будете подкреплять у него чувство, что что бы он ни делал – никогда не будет достаточно. Что он ничего не сумеет сделать правильно.

Некоторое время царит тишина, а потом бабушка тихо спрашивает:

– Знаешь, что самое худшее в старении?

– Эректильная дисфункция? – сухо уточняет брат.

– О, об этом можешь не беспокоиться, – очень сухо отвечает бабушка. – Это генетика, а твой дед был могуч, как жеребец, до самой смерти.

Я пытаюсь не ухмыляться. Как говорят американцы, полезешь к быку – напорешься на рога.

– Понятно, – брат улыбается. – Шерри больше не подливаю.

– Самое худшее в старении, – продолжает бабушка, – это знать, что скоро тебе придется покинуть тех, кого ты так любишь, и им придется справляться без тебя. И если они не будут готовы... если будут уязвимы... это ужасные перспективы.

Наступившую тишину нарушает только треск огня.

А потом королева решительно заявляет:

– Они сожрут Генри заживо. Если он будет вести себя так же, как сейчас, то потерпит сокрушительное поражение.

Моя грудь сжимается так тесно, что, кажется, кости вот-вот треснут.

– Этого не будет.

– Откуда тебе знать, – резко отвечает она.

– О, я прекрасно знаю! Иначе бы не отказался от трона.

– Что?

– Не поймите меня неправильно – я бы не женился ни на ком, кроме Оливии, даже если бы пришлось ждать всю жизнь, пока не будут изменены законы. Но я бы не отказался от трона, если бы не знал: Генри будет не просто хорошим королем. Он будет лучшим королем, чем когда-либо мог бы стать я.

На мгновение у меня перехватывает дыхание. Не могу дышать. Я в таком шоке от слов брата, словно из легких выбили воздух. Бабушка тоже, судя по ее шепоту.

– Ты в самом деле в это веришь?

– Всем сердцем. И, признаюсь, меня печалит, что не верите вы.

– Не сказать, чтобы Генри показывал себя с лучшей стороны, – прямо замечает она.

– Ему просто не представлялся такой случай, – настаивает брат. – От него этого просто не требовалось... никогда, за всю жизнь. До этих самых пор. Он не просто покажет себя с лучшей стороны – он с блеском примет любой вызов. И победит.

Голос королевы звучит приглушенно, словно в молитве:

– Я очень хочу в это верить. Больше, чем я могу выразить словами. Поделись со мной своей верой, Николас. Почему ты так уверен?

Его голос звучит чуть хрипло, полный чувств:

– Потому что... потому что он совсем как мама.

Я зажмуриваюсь, когда смысл этих слов достигает меня. В глазах защипало. Большой похвалы для меня просто быть не может.

Но господа, да посмотрите на меня... я так далек от этого сравнения.

– Да, он такой же, как мама, в точности. Она всегда знала, что нужно человеку, будь то сила или мудрый совет, доброта, утешение или радость – и дарила это без всяких усилий. Вот почему людей так к ней тянуло... на вечеринках, стоило ей войти в зал, все буквально сдвигалось. Все хотели быть ближе к ней. В ней был свет. Особый талант, дар – неважно, как это называется. Важно только, что это есть и у Генри. Он не видит этого в себе, а я вижу. Всегда видел.

Несколько мгновений царит тишина, и я представляю, как Николас наклоняется ближе к королеве.

– За мной люди пошли бы потому же, почему шли за отцом и идут за вами... потому что мы надежные, твердые. Они доверяют нашим суждениям, знают, что мы никогда их не подведем. Но за Генри они последуют из любви. В нем они увидят своего сына, брата, лучшего друга, и даже если сейчас он напортачит, они останутся рядом, потому что хотят, чтобы он добился успеха. Меня бы уважали, мной бы восхищались, но бабушка... Генри будут любить. С тех пор, как Оливия вошла в мою жизнь, я понял одну важную вещь: сильнее, чем рассуждения или долг, чем честь или традиция, – любовь.

Какое-то время не слышно ни звука, только треск поленьев и тихое звяканье бокалов. Королева размышляет, оценивает все, прежде чем сделать следующий мудрый шаг. Она всегда так поступает – как настоящий лидер.

Я наблюдал достаточно все эти годы, чтобы понимать это. И я довольно трезво оцениваю себя самого, чтобы понимать – сам я никогда так не поступал.

Королева тяжело вздыхает.

– Ничего из того, что я предпринимала, не улучшило ситуацию. Что ты посоветуешь, Николас?

– Ему нужно пространство, чтобы... акклиматизироваться. Немного времени побыть не в центре внимания, чтобы осмыслить масштабы своей новой жизни и новых обязанностей. Чтобы научиться тому, что он должен знать и уметь, но научиться по-своему. Чтобы он принял это, как свое.

– Пространство, – королева постукивает пальцами по столу. – Хорошо. Если мальчику нужно пространство – оно у него будет.

Не уверен, что мне это будет по душе.

* * *

Спустя две недели я понял – да, совершенно точно не по душе.

Замок Анторп.

Она отправила меня в чертов замок Анторп.

Это не просто у черта на рогах – это у черта в самой заднице. На берегу, на острых скалах, по одну сторону – ледяной океан, по другую – лес, а ближайшее подобие городка – в часе езды на машине. Это не просто «пространство», это настоящее изгнание.

«Изгнание? Пожалей! Скажи мне: «смерть»!

Лицо изгнания страшнее смерти

Во много раз. Не говори: «изгнанье!»¹⁰

Ромео, конечно, был тот еще нытик, но сейчас я его прекрасно понимаю.

Я сижу в центре массивной кровати со столбиками, перебирая струны гитары под ритм волн, бьющихся о берег. Прохладно, но в камине ярко горит огонь. Пальцы уверенно подбирают мелодию Hallelujah Леонарда Коэна. Успокаивающая песня. Депрессивная, грустная, но успокаивающая своими простыми повторами.

Раздосадованный сам собой, откладываю гитару и сую руки в рукава халата. Некоторое время брожу по замку, здороваясь с жутковатыми пустыми доспехами, стоящими в конце каждого коридора. Мне бы не мешало отдохнуть, но я не хочу даже пытаться уснуть.

Потому что те сны вернулись. Кошмары.

Эти кошмары были безжалостны в первое время, когда меня только демобилизовали – напоминания о нападении, в результате которого погиб целый отряд солдат на заставе, сразу после того, как я приехал. Я получил отсрочку после того, как рассказал Николасу и Оливии, что там случилось, и они посоветовали мне обратиться к семьям погибших.

Но в ту же ночь, когда я оказался в замке Анторп, кошмары вернулись, нахлынули с новой силой, закручивая мой разум. И теперь, когда мне снится, как я подползаю к телам, разбросанным вокруг, и переворачиваю их, чтобы проверить, выжил ли хоть кто-нибудь, на меня смотрят не безжизненные лица солдат. Я вижу лица Николаса и Оливии... и бабушки. Я просыпаюсь, задыхаясь, в холодном поту.

Ни черта не весело.

Итак, сегодня вечером я прогуливаюсь по замку.

В конце концов оказываюсь в библиотеке на первом этаже. Падаю в кресло за столом, беру первый лист из папки документов и начинаю перечитывать законы, регулирующие брак наследного принца. По сути, эти законы – список требований к невесте. «Подтвержденное аристократическое происхождение в рамках признанного брачного союза».

Ниже, правда, говорится, что незаконнорожденные дети тоже могут быть признаны аристократами, в крайнем случае. Надо же, какие у нас открытые нравы. «Заверенные документы о гражданстве Весско по праву естественного рождения».

Ну понятно – не клон и не из яйца вылупился.

«Девственность свидетельствуется посредством введения двух пальцев доверенного королевского терапевта во влагалище, чтобы подтвердить целостность тканей девственной плевы».

Что за больной убудок такое придумал? И совершенно точно мужчина. Я сомневаюсь, что они изложили бы все настолько же детально, если б закон требовал, например, обследования простаты, обязательного для всех членов Парламента.

– Я заварю чай. Не желаете чашечку?

Поднимаю взгляд и в дверях вижу Фергуса в халате и тапочках, с помятым раздраженным лицом.

– Я не знал, что ты уже проснулся, Фергус.

– Разве можно спать спокойно, когда ты бродишь по коридорам, словно кот в поисках самки?

– Прости.

– Так будете чай или нет?

Откладываю документ обратно в стопку.

– Нет, спасибо.

Он поворачивается, чтобы уйти, и вдруг смотрит на меня через плечо и тихо добавляет:

¹⁰ Цитата из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира, в переводе А. Радловой.

– С королевой было так же.

– Что – так же?

– Она мало спала. Когда Ее Величество была юной девушкой, то спала по три часа, а потом вставала и была похожа на того гротескного грызуна с большим барабаном.

Он имеет в виду кролика из рекламы «Энерджайзер».

– Я не знал, что и у бабушки так было, – мягко говорю я.

Он ковыляет к книжной полке, проводит пальцем по переплетам книг, потом вытаскивает толстенный том.

– Ей помогало чтение. Вот эта книга у нее была любимой.

Том с тяжелым стуком опускается на стол передо мной.

«Гамлет». Интересно.

– Ты же понимаешь, что они все померли? И король, и королева, и милый принц – в конце все померли.

Не самое лучшее чтиво для приятных сновидений – особенно в нашей семье.

– Я сказал, это был выбор твоей бабушки, не мой, – отрезает он и, шаркая, удаляется.

Листаю страницы и говорю сам с собой.

– «Всего превыше: верен будь себе...»¹¹ Легко сказать, Полоний.

Это ведь совсем не моя жизнь. Никогда ею не была. Титул, ответственность, брожения по коридорам огромного каменного чудовища, когда компанию мне составляет только звук собственных чертовых шагов... И если мне тут нужно таким вот образом «акклиматизироваться», этого не происходит.

Потому что Николас ошибается. Я – его «слепое пятно», так всегда было. Раньше я этим пользовался. Он добрый и желает добра мне... но он ошибается.

И мы все круто попали.

Тишина смыкается вокруг меня, и я начинаю нервничать. Тут как в чертовой гробнице. И слова звучат во мне чужим призрачным шепотом:

«Верен будь себе, Генри...»

Может, в том и проблема? И решение.

Резко встаю, начинаю ходить туда-сюда. Мне нужно подумать, а думаю я всегда лучше, когда двигаюсь. Еще лучше, правда, получается после хорошего секса, но если б да кабы да во рту росли бобы...

В общем, суть в чем – я ведь уже долго не чувствовал себя самим собой. Мне нужно вернуться к себе самому, хоть ненадолго. Снова вернуть ту чертовщинку, легкую безуминку.

А еще мне нужны женщины – может даже, целый десяток женщин.

Да, у меня дерьмово получается с политикой и с гольфом, дерьмово получается делать то, что мне говорят, зато мне всегда отлично удавалось развлекать других. Устраивать шоу. Делать людей счастливыми. Уж что-что умею отлично – так это делать из жизни вечеринку.

Разглядываю эту идею со всех сторон, мну, как пластилин, пока наконец она не начинает обретать форму. Я ведь обо всем этом не просил, но пора бы уже возглавить этот бардак. И раз уж мне суждено потерпеть сокрушительное поражение, то пусть я хотя бы сделаю это по-своему. Провалюсь – так с громким треском.

И с вечеринкой. Нескончаемая вечеринка на целый месяц, и двадцать прекрасных женщин, из кожи вон лезущих, чтобы мне понравиться.

Ну в самом деле, что может пойти не так?

Я словно услышал голос Господа Бога – у меня даже плечи расслабились. И больше не давит в груди, словно у меня вот-вот случится гребаный сердечный приступ.

И мне... хорошо. Я снова управляю своей жизнью.

¹¹ «Гамлет» У. Шекспира, в переводе Б. Пастернака.

Я поднимаюсь, оставляя за спиной все эти документы и глупые законы. Поднимаюсь в спальню, подхватываю с бюро бумажник и достаю визитку с острыми краями – она все еще там. А потом я беру мобильник и набираю номер.

4

Сара

– Вот черт. Какая муха укусила его за яйца...

Пробормотала я и уставилась на значок нового имейла на экране мобильного – призыв от мистера Хаверстрома, моего начальника. И хотя день солнечный, приятно прохладный, на лбу выступает пот.

Энни резко поворачивается, и ее светлый хвостик щелкает, словно кнут. Кажется, она услышала только про яйца.

– Ух ты, неужели тебе кто-то скинул дикпик¹²? – она тянется ко мне. – Ну-ка, ну-ка покажи! О каких яйцах речь? Большие яйца? Странные яйца?

– Может, яйца вкрутую? – неуверенно добавляет Уиллард, сидя в кресле напротив небольшого круглого стола во внутреннем дворике.

Энни аплодирует. Повторы «Субботней лихорадки»¹³ в Весско популярны.

– Отличный поворот, – она съедает салат со своей вилки. – Я же вам рассказывала, какие яйца у Эллиота?

Я многозначительно смотрю в карие глаза Уилларда, потом перевожу взгляд на часы. Три минуты семнадцать секунд. Ровно столько прошло с тех пор, как Энни в последний раз упомянула Эллиота Стэплворта, своего бывшего. Тот еще мешок с дерьмом. Он порвал с ней две недели назад, но Энни все еще по нему сохнет. Она заслуживает гораздо лучшего. Тем более что этот Эллиот – не просто мешок с дерьмом, он еще и о бритве паха никогда не слышал.

– Это были самые настоящие маленькие волосатые монстры. Как два ежика, свернувшись у него между ног, только совсем не милые. Его лобковые волосы у меня постоянно в горле застревали – приходилось выкашливать, ну, как кошке.

Я даже представлять этого не хочу.

Уиллард хмурится.

– Вот же грубый хмырь. Это совсем не возбуждает. Мои – гладенькие, как задница младенца.

И этого я тоже не хочу представлять.

Смотрю ему прямо в лицо.

– Слушай, ну вот зачем мне про это знать?

Он подмигивает мне.

Энни подается вперед.

– Ну раз уж мы об этом заговорили... Уиллард, скажи-ка, а твое мужское достоинство, оно, ну... пропорционально тебе?

Рост Уилларда – около ста пятидесяти сантиметров, что лишь немногим больше верхнего порога карликовости. Зато характер у него на все два метра – он смел и прямолинеен, а еще умен и остроумен. Он мне чем-то напоминает Тириона Ланнистера из «Игры престолов», только добрее и красивее.

– Энни! – я поперхнулась, краснея.

Она толкает меня в плечо.

– Да ладно, как будто тебе неинтересно.

¹² Дикпик – от *англ.* dick pic, фотография члена, разновидность чрезмерно откровенного флирта.

¹³ Saturday Night Live – популярное в США юмористическое ток-шоу с шутками, в том числе на острые политические темы. В России выходило под названиями «Субботняя лихорадка» и «Суббота. Вечер. Шоу».

– Нет, неинтересно.

Но Уиллард не прочь ответить.

– О, я божественно диспропорционален. Слепых Господь награждает остротой других чувств. Вот и мне он кое-что компенсировал... если вы понимаете, о чем я, – он эффектно играет бровями.

Энни кивает.

– Обязательно расскажу Клариссе, когда буду убеждать ее, что она просто обязана пойти с тобой на свидание в эту субботу.

Из Энни – отвратительная сваха. Хотя Уилларду не раз доводилось становиться предметом ее стараний, он по-прежнему позволяет ей проделывать это. Какое у нас там было определение для настоящего безумия?

Энни смотрит на меня.

– Так что там с твоими загадочными яйцами, Сара?

– Мистер Хаверстром.

Она поперхнулась.

– Мистер Хаверстром? Фу-у. Уверена, что его причиндалы воняют, как переваренные овощи. Это ж сразу видно по его вечно кислой мине. Однозначно, яйца у него – как переваренные брокколи.

Черт, а мне ведь нравились брокколи.

– Энни, не думаю, что Сара говорила о яйцах мистера Хаверстрома в буквальном смысле, – поясняет Уиллард, и Энни разводит руками.

– А к чему мы тогда вообще про яйца?

Снимаю очки, достаю из кармана салфетку и протираю их.

– Мистер Хаверстром направил мне имейл. Сразу после ланча я отправляюсь к нему в офис. Похоже, все серьезно.

Я говорю это вслух, и моя тревожность тут же пересекает отметку настоящей нервозности. Сердце колотится, голова идет кругом, по венам бежит адреналин, а сердце, кажется, бьется где-то в горле. Даже когда я понимаю, что глупо так волноваться, когда мой мозг прекрасно осознает, что нет причин для паники, в неожиданных ситуациях или когда я оказываюсь вдруг в центре внимания, мое тело реагирует так, словно я – следующая жертва второсортного ужастика с расчлененкой. Та самая, которая, спотыкаясь, бредет по лесу, а следом за ней крадется маньяк в маске с мачете или бензопилой наперевес. Ненавижу такое состояние, но ничего не могу с этим поделать.

– Так, Сара, главное, дыши глубоко и медленно, – говорит Уиллард. – Может, он хочет предложить тебе повышение. Все знают, ты – лучшая в этом учреждении.

Энни и Уиллард не просто друзья, они – мои сотрудники здесь, в Библиотеке Конкордия. Уиллард работает внизу, в отделе реставрации и консервации, Энни – в детском отделе, а я коротаю дни в отделе художественной литературы. Все полагают, будто библиотечное дело – это просто раскладывание книг по полкам и рассылка уведомлений о просрочке, но это – нечто гораздо большее.

Это – развитие общества и информационных технологий, организация, помощь другим, какую б иголку в каком стоге сена они ни искали. Так же, как врачи из «неотложки» должны всегда иметь под рукой все диагнозы и методы лечения, так библиотекари, по крайней мере, хорошие библиотекари, должны владеть множеством самых разнообразных тем.

– У меня там бутылочка припрятана в шкафчике, которую я украла у Эллиота, – говорит Энни. Время: три минуты, сорок две секунды. Рекорд остается прежним – девять минут, семь секунд.

– Может, глотнешь на дорожку? – ласково предлагает она.

Энни – хорошая подруга, как Хелен была для Джейн в «Джейн Эйр». Она и добрая, и красивая.

Качаю головой, напоминая себе, что я уже, черт возьми, давно взрослая самостоятельная женщина.

– Я расскажу вам, как все прошло.

Энни показывает мне большой палец, сразу обеими руками, а Уиллард одобрительно кивает, и волнистые каштановые волосы падают ему на лоб, как у бродяги из какой-нибудь романтической истории. В последний раз помахав им обоим, я выхожу из небольшого открытого дворика, окруженного каменной изгородью, где мы встречаемся каждый день на ланч, и иду внутрь.

В прохладном затененном атриуме закрываю глаза и вдыхаю знакомый успокаивающий запах книг и кожаных переплетов, бумаги и чернил. До того, как Весско стал суверенным государством, в этом здании располагался шотландский собор – собор Конкордия. На протяжении веков здание реставрировалось и менялось, но чудом здесь уцелела изначальная архитектура – три этажа, величественные мраморные колонны, арочные проемы и высокие замысловато расписанные потолки. Работая здесь, я иногда чувствую себя жрицей, сильной и могущественной, особенно когда я нахожу для кого-то книгу, которую не так просто отыскать, и человек буквально светится от радости. Или когда знакомлю читателя с новой серией или автором. В этой работе заключена особая привилегия, честь – я открываю людям целый новый мир, полный героев, мест и эмоций, в котором они не побывали бы без меня. Это просто волшебство.

Марк Твен, помнится, говорил: «Выберите себе работу по душе, и вам не придется работать ни одного дня в своей жизни».

Так вот, в Библиотеке Конкордия я не проработала ни дня.

Мои каблочки стучат по каменному полу, когда я направляюсь к дальней винтовой лестнице. Прохожу мимо абонементного стола и машу старой Мод, которая работает здесь волонтером двадцать четыре на семь с тех пор, как два месяца назад скончался ее муж Мелвин. Затем я замечаю Джорджа за тем же столом, где обычно – он у нас постоянный посетитель, пенсионер, холостяк по жизни. Взяв из стопки две местные газеты, кладу их перед ним, когда прохожу мимо.

– Добрый день, Джордж.

– Да, теперь он и правда добрый, дорогая, – отвечает мужчина.

Вдоль боковой стены ровными рядами, словно солдаты, выстроились компьютерные столы, и я вижу ярко-рыжую шевелюру Тимми Фрейзера. Он склонился над клавиатурой и что-то яростно печатает. Тимми – тринадцать, и он в целом хороший паренек, хоть иногда и бедокурит, как и положено в его возрасте. У него пять младших братьев и сестер. Его отец – грузчик, а мама на полставки прибирается в поместье на вершине холма.

В поместье моей матери.

Каслбрук – прекрасный крошечный городок, один из самых маленьких в Весско. Когда-то здесь была рыбацкая деревня, может, и не самая процветающая, но все же местные были довольны жизнью здесь ровно настолько, чтобы не уезжать туда, где трава зеленее. Столица находится от нас где-то в пяти часах езды, и хотя местные далеко отсюда и не уезжают, к нам часто приезжают гости из большого города, которые хотят провести выходные в тишине, на берегу моря.

Школа Сент-Олдвин, куда ходят все местные дети, находится отсюда минутах в десяти ходьбы, но, готова поспорить, Тимми успеет за пять.

– Почему же ты не в школе, Тимми Фрейзер?

Он криво улыбается, не отрывая глаз от экрана и не переставая печатать.

– Я туда скоро вернусь. Мне пришлось прогулять четвертый и пятый уроки, чтоб сдать этот доклад на шестом.

– А ты никогда не думал, что, может, стоит сделать задание за день или, представляешь, даже за несколько дней до сдачи?

Тимми пожимает плечами.

– Ну, лучше уж сдать в последний момент, чем вообще не сдать, Сара.

Я хихикаю, потрепав его по огненной шевелюре, и поднимаюсь по ступенькам на третий этаж.

С людьми, которых я знаю, мне комфортно – с ними я общительная, даже шутить могу. А вот рядом с новыми людьми у меня все внутри сжимается в тугой комок, как и когда я попадаю в непредсказуемые ситуации. И вот как раз одна из таких ситуаций меня сейчас, похоже, и ждет.

«Ну черт возьми, а...»

Стою у двери в кабинет мистера Хаверстрома, уставившись на черные буквы его имени, нанесенные по трафарету на матовом стекле, и прислушиваюсь к тихим голосам внутри. Не то чтобы мистер Хаверстром был невыносимым начальником. Он чем-то похож на мистера Эрншо из «Грозового перевала». Пусть он и не уделяет много времени книгам, его присутствие сильное, значимое.

Я делаю вдох, распрямляюсь и стучу в дверь твердо и решительно, как это сделала бы Элизабет Беннет. Потому что ей все было по фигуре. Мистер Хаверстром открывает дверь и прищуривается. Волосы у него белесые, кожа – бледная, а его вечно недовольное лицо – морщинистое, словно раздавленный зефир.

Внешне я киваю и летящей походкой вхожу в кабинет, но внутри вся съеживаюсь.

Мистер Хаверстром закрывает за мной дверь, и я резко останавливаюсь, заметив Патрика Нолана на стуле у стола начальника. Пэт – мой коллега, и, как и я, он возглавляет отдел художественной литературы. Он ничуть не похож на типичного библиотекаря, какими их представляют – скорее на олимпийского триатлониста, весь такой мускулистый, с широкими плечами и вечным вызовом в глазах.

Пэт – не такой большой мешок с дерьмом, как Эллиот, но близко.

Я сажусь на свободный стул рядом с Пэтом, а мистер Хаверстром занимает свое место за столом, напротив.

– Леди Сара, я как раз объяснял Пэту, по какой причине пригласил сегодня вас обоих.

Не думайте, что «леди» – это знак особого уважения. Просто дань традиции, обращение типа «мисс» к дочери графини. За этим обращением не стоит настоящего влияния.

Может, я просто параноик – ну, бывает со мной такое, – но сейчас я чувствую такую тяжесть в животе, словно мой желудок держится на тоненькой ниточке, которая вот-вот оборвется, и тогда этот жизненно важный орган просто провалится вниз. С усилием я отвечаю.

– Да?

– Нас выбрали для проведения ежегодного симпозиума Северных районных библиотек.

Это не просто нехорошо – это скверно. Очень, очень скверно.

– Итак, мы – принимающая сторона, и каждый отдел должен выступить с презентацией. Ну а учитывая масштаб нашего отдела художественной литературы, не вижу причин, по которым вы с Патриком не могли бы провести презентации отдельно, но дополняя друг друга.

Желудок все-таки проваливается вниз. За ним готова последовать селезенка. Уверена, печень тоже за ними поспешит.

– К концу недели мне понадобится от вас тема и план презентации, чтобы вы не повторяли выступления друг друга.

Моя челюсть приоткрывается и захлопывается – как у рыбы, без единого звука. «Дыши!» Чтобы говорить, нужно дышать. «Идиотка».

– Мистер Хаверстром, не уверена, что я...

– Я понимаю, вам некомфортно выступать на публике, – говорит мистер Хаверстром, глядя куда-то над моей головой.

Это он так частенько делает.

– Но вам придется преодолеть этот дискомфорт. Нам оказана большая честь, и к тому же это – требования на вашей должности. И единственным уважительным предлогом избежать этого будет разве что стихийное бедствие. Ну а если вы не можете выполнять свои обязанности в полной мере, мне придется заменить вас кем-то, кто сможет.

«Вот дерьмо. Черт... черт-черт-черт!..»

– Да, сэр. Я понимаю.

– Хорошо, – он кивает. – Тогда вы свободны, можете приступать.

Поднявшись, мы с Пэтом направляемся к двери.

– Леди Сара, – добавляет мистер Хаверстром. – Я с радостью посмотрю вашу презентацию, когда вы с ней закончите, если это вам как-то поможет. Я очень хочу, чтобы у вас все получилось.

Я с усилием улыбаюсь.

– Спасибо, сэр.

Затем он пожимает руку Патрику.

– Пэт, наша игра в ракетбол в субботу в силе?

– Конечно же, Дуглас.

Про себя я вздыхаю, разочарованная куда как больше самой собой, нежели чем-либо еще. Я ведь тоже играю в ракетбол, причем весьма и весьма неплохо. И если бы во мне была хоть капелька от Миранды Пристли из «Дьявол носит Prada», я бы сказала им: «Пригласите меня, и я еще покажу вам, взрослым мальчикам».

Но нет, я ничего не говорю.

Мистер Хаверстром закрывает дверь, оставляя нас с Патриком в коридоре наедине. Пэт гадко улыбается, наклоняясь ко мне, и я отступаю на шаг, в итоге упираясь спиной в стену. Это неудобно, но зато безопасно – в основном потому, что помимо ракетбола я много лет занималась айкидо. Так что, если Патрик попытается выкинуть что-нибудь, его ждет весьма болезненный сюрприз.

– Будем честны, Сара: мы оба знаем, что последнее, чего ты хочешь, – это провести презентацию перед сотнями людей, своих коллег.

Мое сердце пытается заползти мне в горло.

– И вот что я хочу предложить. Ты сделаешь исследовательскую часть проекта – слайды и тому подобное, на что у меня совсем нет времени. Ну а я позабочусь о самой презентации, и, конечно же, укажу, что половина работы сделана тобой.

«Ага, конечно». Знакомая песня – в школе, в «групповых проектах», где я, тихая девочка, делала всю работу, а вся слава доставалась тому, кто говорил лучше и громче.

– Я попрошу Хаверстрома в субботу, и он согласится – я же ему как сын, – объясняет Пэт, а потом подается вперед, наклоняется так близко, что я чую запах чеснока в его дыхании. – Давай Большой Пэт обо всем этом позаботится. Что скажешь?

Скажу, что в аду зарезервировано особое место для тех, кто говорит о себе в третьем лице. Но прежде, чем я успеваю ответить, слышу твердый уверенный голос Уилларда, разносящийся по коридору:

– Думаю, тебе, Нолан, надо посторониться. Сара не просто «собирается», она делает это, притом отлично.

Пэт отмахивается:

– Тихо, мошка, тут взрослые разговаривают.

Во мне снова клокочет адреналин – на этот раз не от тревоги, а от гнева. От возмущения. Я отстраняюсь от стены.

– Не называй его так.

– Он не против.

– Я против.

Он уставился на меня несколько удивленно, затем усмехается и поворачивается к Уилларду:

– Ты всегда позволяешь женщине защищать твои интересы вместо тебя?

Я делаю еще один шаг, заставляя его отступить.

– Думаешь, я не могу никого защищать, потому что я – женщина?

– Нет, я думаю, ты не можешь никого защитить, потому что ты – женщина, которая двух слов связать не может, когда в комнате больше, чем пара человек.

Его слова меня не задевают, ведь по большей части это – правда.

Но не в этот раз.

Мои губы медленно растягиваются в дьявольской улыбке. Внезапно я воплощаю собой Кэти Линтон – упрямую, гордую.

– Сейчас здесь больше, чем пара человек. И для тебя у меня найдется больше, чем пара слов: пошел ты на хрен, высокомерный самодовольный урод.

Выражение его лица забавное. Он как будто не может решить для себя, чем шокирован больше – тем, что я знаю слово «хрен», или тем, что я высказала это ему вслух, притом не в приятном контексте.

Потом его лицо суровеет, и он указывает на меня:

– Вот такую благодарность я получаю за то, что пытаюсь помочь твоей немой заднице?

Ну что ж, развлекайся, выстави себя полной дурой.

Я не моргаю, пока он, наконец, не уходит, спустившись по лестнице. Уиллард медленно аплодирует, приближаясь ко мне по коридору.

– Самодовольный урод?

Пожимаю плечами.

– Ну, так само получилось.

– Впечатляет, – он кланяется и целует мою руку. – Ты была просто великолепна.

– Не так уж плохо, да? Мне даже понравилось.

– И ты даже не покраснела, ни капельки.

Отбрасываю с лица свои темные волосы, смеюсь от неловкости.

– Кажется, я начисто забываю, что должна нервничать, когда защищаю кого-то другого.

Уиллард кивает.

– Вот и хорошо. И хотя я не хочу быть тем козлом, который вынужден тебе про это напомнить, все-таки придется. Пора тебе об этом подумать.

– О чем?

– О презентации перед сотнями людей.

Я прислоняюсь спиной к стене.

– Ох, лучше б уж это были яйца, пахнущие брокколи...

5

Сара

После работы иду к своей квартире – живу я где-то в километре от работы. Это простое, но ухоженное здание с садом и зоной отдыха на крыше. Надо мной живут молодожены с младенцем – Дэвид, Джессика и маленький Барнаби, а этажом ниже – пожилая пара, Феликс и Белинда, которые вместе вот уже сорок лет.

Кладу ключи в хрустальную пиалу у двери, как всегда. Снимаю пальто и туфли и убираю в шкаф – тоже, как всегда.

Я живу одна, у меня нет даже домашнего любимца, поэтому гостиная выглядит так же, как я ее оставила утром – аккуратная, чистая, с бежевым диваном и ярко-оранжевыми декоративными подушками, шторами в тон, фотографиями моей матери и сестры на столике и обложками моих любимых книг в рамках на стенах.

Жемчужина моей гостиной – не телевизор с плоским экраном и не камин в уголке, а книжный шкаф, расположившийся аккуратно между двумя окнами. В высоту он до самого потолка, с шестью полками. Несколько лет назад я купила его на рождественской ярмарке. Тогда он выглядел весьма потрепанным, простым и потертым – ну прямо как я, но я сразу поняла, что дерево прочное и не прогнется. Вот почему я доставила этот шкаф домой, как следует отшлифовала и отполировала и сложила в него величайшие свои драгоценности – коллекцию самых первых изданий классических романов. Полное собрание Джейн Остин, сестер Бронте, Диккенса – все они были здесь. Хотя мне нравятся современные любовные романы или так называемая «женская литература» – как, в общем, и каждой женщине – именно к этим историям я возвращаюсь. Неважно, сколько раз перечитывала их – каждый раз они трогают меня.

Квартирка у меня маленькая, а из окна спальни виден кусочек океана, но я оплачиваю счета сама, а не из семейного траста.

В том, чтобы зарабатывать самой, есть свое удовлетворение. Самодостаточность. Это вроде как уметь тереть палки друг о друга, чтобы разжечь огонь – навык выживания. Я бы сумела выжить и в дикой природе, если б пришлось.

Ну... по крайней мере, если Каслбрук можно назвать «дикой природой».

Дело в том, что, когда вы зависите от других, они держат в своих руках кусочек вашего счастья. Они могут взрастить его или раздавить в любой момент. Ваша судьба не принадлежит вам. Я видела, как это происходит – совсем ничего хорошего. Пусть моя жизнь простая, может, даже незначительная, но она – моя.

На кухне я наполняю чайник. Обычно в это время я сажусь ужинать, но сегодня – среда, а по средам и воскресеньям я ужинаю с матерью и Пенелопой.

До отъезда остался час, так что будет чай и... немного «Чувства и чувствительности».

Это идеальный роман – в нем как раз в меру драмы и тревоги, чтобы держать интерес, но в основном он легкий, развлекательный и к тому же с самым счастливым концом. Полковник Брэндон – мой любимчик, идеальный книжный муж. Он настолько хороший, добрый и честный, что это даже по-своему сексуально. Когда-нибудь я встречу такого же мужчину, как он – романтического, уравновешенного и надежного. И плевать, если это звучит глупо или незрело, или попросту нереально, ведь у меня есть своя теория.

Если кошмары сбываются – а иногда они сбываются... то должны сбываться и самые счастливые наши мечты.

Когда мой мятный чай готов, я опускаюсь на кушетку в спальне, набрасываю на ноги мягкий плед, открываю книгу – и заслоняюсь от всего мира.

* * *

Некоторые люди смотрят на свою семью и задаются вопросом, а не усыновили ли их. Другие даже надеются, что это так.

Я таким вопросом никогда не задаюсь, ведь моя мать – это очевидная комбинация наших с сестрой характеров. А может, мы обе – ее половинки. Она – затворница. Ненавидит города, избегает вечеринок, редко покидает поместье и не развлекает друзей – по крайней мере, человеческих друзей. Она вполне довольна разговорами со своими цветами в парниках, за которыми с удовольствием ухаживает. Но зато здесь, на своей вотчине, она царит над всем, красочная и яркая – совсем как Пенелопа. В последние несколько лет она стала носить яркие домашние платья, сделанные вручную в Китае, с узором пейсли¹⁴, а волосы красит в рыжий цвета восхода. Эдакая смесь миссис Дэшвуд и Ширли Маклейн из «Чувства и чувствительности» в ее лучшие годы.

Кое-кто в нашем кругу считает ее эксцентричной. Другие называют ее Безумной Графиней. Пенни нравится вариант «чокнутая». А я вот вовсе не считаю, что мама ненормальная. Просто она уже пыталась жить по чужим правилам, и это не сработало. Так что теперь она живет так, как нравится ей... а все остальные могут катиться к черту.

– Здравствуй, моя дорогая, – тихо приветствует она меня.

Моя мать всегда была мягкой и обходительной – так уж ее воспитали. Но не стоит принимать внешнюю мягкость за слабость – иногда так же тихо заявляют о самом твердом своем намерении.

Стэнхоуп, наш дворецкий, забирает у меня пальто, стряхивает с него капли дождя. Мама ведет меня в столовую, приобняв за талию. Ее окружает знакомый аромат лилий.

– Расскажи, как дела в библиотеке?

– Ужасно.

– Ужасно? Так куда не пойдет. Что случилось?

Мы присоединяемся к Пенни, которая уже сидит за столом, настукивая в мобильнике текстовые сообщения. Когда подают первое, я пересказываю свою горестную историю. Наши еженедельные обеды проходят в неофициальной обстановке, но наряд Пенелопы продуман до мелочей. Ее коктейльное платье в королевском синем цвете подчеркивает ее бледную кожу и длинные светлые волосы, зачесанные назад в свободный узел. Ей всегда нравилось наряжаться, и сейчас, в свои двадцать три, она никогда не упускает возможности блеснуть.

В отличие от других матерей нашего социального статуса моя никогда не подталкивала меня к удачному браку или свиданиям – Пенелопа встречается с парнями за нас обоих.

Когда я заканчиваю рассказывать о презентации, мама говорит:

– Бедная моя девочка. И что ты собираешься делать?

– У меня в самом деле нет выбора. Мне придется выступать на симпозиуме и молиться, что меня не стошнит при всех или что я не отключусь.

Пенни усмехается, неотрывно глядя в свой телефон.

– Может, тебе нужно огородить первые ряды? Назвать их «зоной брызг».

– Ну спасибо тебе, Пен, за поддержку.

Она поднимает взгляд.

– Знаешь, а ведь это тебе может быть полезно. Вытолкнет тебя из зоны комфорта.

¹⁴ Узор пейсли – он же «турецкие огурцы», декоративный орнамент каплеобразной формы.

– То же самое можно сказать и о твоей грядущей военной службе, Пенелопа, – замечает мама.

В Веско каждый гражданин – неважно, мужчина или женщина – обязан пройти двух-летнюю воинскую службу.

Пенни с трагическим видом откидывается на спинку стула, широко раскинув руки, как Христос на кресте.

– Это совсем не то же самое! Я не приспособлена к маршам и лазанью в поту, – она проверяет свой маникюр с блестками, чтобы убедиться, что не сломала ноготь, даже просто говоря об этом. – Я пыталась убедить их отправить меня отбывать срок службы в ТОВ.

ТОВ, или Тыловое Обеспечение Веско, делают всякие шоу и развлекают военнослужащих. Ну а Пенелопа всегда мечтала о славе – она слишком миниатюрная, чтобы стать моделью, но ей определенно хватает драматизма, чтобы стать актрисой.

– Вот это больше по мне. Блестящие наряды и танцы. Но мне ответили, что это противоречит приказам.

– Да, – я ухмыляюсь. – А военным нравится, когда все следует приказам. Такие уж они. Пенелопа показывает мне язык.

Прежде чем я успеваю решить, каким непристойным жестом ей ответить, снаружи раздаются раскаты грома, такие сильные, что фарфор и хрусталь на столе жалобно позвякивают.

Дождь бьет в стекла, а пару мгновений спустя еще один раскат грома разносится по всему дому – на этот раз такой громкий, что содрогаются стены. Какая-то полка не выдерживает и кренится, декоративные тарелки и статуэтки летят на пол, разлетаясь на кучу осколков, словно маленькие гранаты.

Я закрываю глаза, но это уже неважно – все становится серым.

* * *

Прихожу в себя, хватая ртом воздух. Так всегда бывает – словно меня держали под водой достаточно долго, чтобы я почти утонула.

– А, вот она и очнулась, – воркует мама, сидящая на стуле рядом, пока Пенелопа аккуратно разминает мне спину.

– В этот раз было очень долго, – озабоченно замечает Пенни. – Больше десяти минут.

Меня охватывает знакомое чувство стыда, от которого все сжимается.

– Простите, – шепчу я.

– Давай без этого, – упрекает мама, прижимая к моему лбу прохладную влажную ткань.

– Пойдем в гостиную, мама, – предлагает Пенелопа. – Саре будет удобнее на диване.

Я киваю, не заботясь о том, что мы пропустим остаток ужина. Думаю, к этому моменту все мы потеряли аппетит. Сестра помогает мне подняться, и, хотя колени у меня дрожат, я улыбаюсь.

– Все хорошо. Со мной уже все хорошо.

Как только мне помогают устроиться в гостиной, горничная вручает мне бокал бренди, и я медленно потягиваю напиток.

– Я читала о новом специалисте по медитациям, Сара. Думаю, тебе стоит записаться на прием, – говорит мама. – Он – буддист, и говорят, очень хороший.

Врачи называют это диссоциативной фугой. Это состояние возникает в результате стресса, беспокойства и травм, а приступ вызывают, как правило, громкие звуки, чаще всего – звук бьющегося стекла. Но это происходит не всегда. Бывают случаи, когда я слышу звук, но приступ не наступает. А иногда, наоборот, одного разбившегося стакана в ресторане достаточно, чтобы я «выпала из реальности».

Все не так плохо, как могло бы быть. Для некоторых людей, страдающих от таких состояний, приступ может длиться днями или даже неделями, и эти бедные люди бесцельно блуждают, делают что-то, чего даже не помнят после того, как приходят в себя. Мои приступы длятся от нескольких секунд до нескольких минут. Я не шевелюсь и не говорю – в те моменты меня как будто просто нет... я мертва, но все еще дышу. Я пробовала лекарства, но они не помогают, а побочные эффекты у них весьма неприятные. Я пробовала гипноз, терапию, иглоукалывание... но все это в основном тоже не давало никакого эффекта.

– Хорошо, мама.

Несколько минут мы молча наслаждаемся напитками, а потом в комнату входит Стэнхоуп.

– Графиня, к вам посетитель.

– Посетитель? – Мама смотрит на дождь, бьющийся в окна. – Кто же придет в такую непогоду? У них что, машина сломалась?

– Нет, миледи. Молодая женщина говорит, ее зовут Нэнси Херальд. Она извинилась, что не договорилась о встрече заранее, и передала свою визитку. Похоже, у нее есть какое-то деловое предложение.

Мама решительно отмахивается.

– Мне неинтересны деловые предложения, да и времени на них у меня нет. отошлите ее, пожалуйста.

Стэнхоуп кладет визитку на стол и с поклоном выходит из гостиной.

Пенни, потягивая напиток, берет визитку... и вдруг выплевывает свой бренди на ковер.

– Пенелопа! – восклицает мама.

Сестра резко поднимается, размахивая визиткой, как Верука Солт, когда та получила золотой билет на шоколадную фабрику Вилли Вонки.

– Стэнхоуп! – кричит она. – Не дай ей уйти! Она же продюсер! – Пенни оборачивается ко мне и добавляет тихо, но настойчиво: – Она – телепродюсер.

Как будто я и в первый раз не расслышала.

Пенелопа решительно направляется прочь из комнаты. Или по крайней мере пытается... Когда она уже на полпути к двери, она цепляется каблуком за ковер и растягивается на полу лицом вниз.

– Ох...

– Ты в порядке, Пен?

Она приподнимается на руках и отмахивается.

– Да в порядке я, в порядке! А еще лучше будет, если продюсер не уйдет!

Со второй попытки ей удается встать, и Пенелопа устремляется из гостиной со скоростью, какую только позволяют развить ее десятисантиметровые каблуки.

Глядя ей вслед, мама качает головой:

– Сколько же в ней прыти.

Она осушает бокал и добавляет:

– Скорее всего, продюсеру интересно снять наши владения. Я каждые пару месяцев получаю такого рода запросы.

Вскоре до нас доносится высокий голос Пенелопы в фойе, а потом она входит в гостиную, ведя под руку миниатюрную темноволосую женщину в насквозь вымокшем тренче. Стэнхоуп хмурой тенью следует за ними по пятам.

Перехватывая инициативу у Стэнхоупа, Пенелопа сама представляет гостью, словно они – старые знакомые.

– Мама, Сара, это – Нэнси Херальд. Она – телепродюсер.

Я поднимаюсь и протягиваю ей руку.

– Здравствуйтесь, мисс Херальд. Вы телепродюсер? Не уверена, что расслышала.

Подмигиваю сестре, и та усмехается в ответ.

– Вообще-то ассистент продюсера, – отвечает гостья, пожимая мою руку. – Очень рада с вами познакомиться.

Стэнхоуп фыркает.

– Могу я забрать ваше пальто, мисс Херальд? И предложить вам горячий напиток?

– Благодарю, – она передает свой вымокший насквозь тренч. – Если можно, кофе.

Мама, не вставая, жестом предлагает ей сесть.

– Что привело вас к нам в такую ужасную непогоду, мисс Херальд?

Гостья улыбается, садится и достает из портфеля папку.

– Прежде чем я все объясню, мне придется попросить каждую из вас подписать соглашение о неразглашении. И я понимаю, что это звучит очень странно, но у меня есть особое предложение, для... – она сверяется с документами. – Сары и Пенелопы фон Титиботтум, – мисс Херальд смотрит на нас с сестрой. – Для вас обеих, но это – вопрос национальной безопасности, поэтому мне нужно доказательство конфиденциальности в письменной форме. На вас это не накладывает никаких обязательств, кроме того, что мое предложение должно остаться в тайне.

Пенелопа смотрит на меня умоляюще... но потом умоляет и вслух:

– Мамочка, пожалуйста! Сара, миленькая, пожалуйста-пожалуйста!

Мама фыркает, закатив глаза.

– Ладно, давайте сюда.

Все мы подписываем небольшой документ – всего один параграф текста, а Стэнхоуп ставит на стол чашку и блюдо для мисс Херальд. Она убирает документ, делает глоток обжигающе горячего напитка. После того как дворецкий уходит, прикрыв за собой дверь, гостья чуть подается вперед.

– Вы когда-нибудь слышали о телепередаче «Подберем пару»?

* * *

– Об этом не может быть и речи, – заявляет мать, когда мисс Херальд завершает свой рассказ о королевском выпуске реалити-шоу про свидания.

– Нет! – восклицает Пенни. – Конечно же, это еще обсуждается.

– Это точно не для меня, – я качаю головой. – Благодарю за ваше предложение, мисс Херальд, но мне даже фотографироваться не нравится. И уж тем более мне неинтересно принимать участие в телешоу.

– А как насчет того, чтобы стать королевой? – настаивает она.

– Это мне тоже неинтересно.

Пенни тянет руку.

– Но мне же интересно! Я ведь могу участвовать, да? Даже если Сара не захочет?

– Конечно.

– Конечно же нет, – твердо отвечает мама.

Пенелопа выглядит обиженной.

– Мама, ты как будто мне совсем не доверяешь.

– Верно, – она пожимает плечами. – И на то есть причины. Я могу назвать множество примеров, когда твои суждения, дорогая, были не вполне верными. Например, тот визит к татуировщику...

– У меня просто был такой период.

– Артист из цирка.

– Но он был интересный!

– Преступник.

Пенни морщится:

– Да, быть в бегах оказалось не так романтично, как мне казалось, – она падает на колени рядом с маминым креслом. – Но на этот раз все иначе. Тут ведь дело совсем не в парне...

– Да что ты?

Пенни закатывает глаза.

– Генри, конечно, веселый и чертовски красивый, но все же знают, что он – повеса. И когда он женится, у него будет не просто любовница, а целый гарем. У нас с ним никогда ничего не выйдет, – и она возвращается к мольбам. – Но ты же знаешь, как мне нравится играть! Это ведь открывает мне двери, мама, двери в киноиндустрию!

Мама прикрывает глаза.

– Ох, чувствую я об этом пожалею... но так и быть, – Пенни уже готова радостно завизжать, но мама поднимает палец. – Ты сможешь участвовать только при одном условии: Сара должна отправиться с тобой, чтобы за тобой приглядывать и выступать как голос разума, раз уж своего собственного у тебя нет.

Пенелопа крепко обнимает ее:

– Спасибо, мамуля!

А потом она оборачивается ко мне, и ее взгляд полон такой надежды, что у меня сердце сжимается.

– Сара?

– Пенни... Я не могу. У меня же квартира... и работа... Я не могу просто отбросить все это на...

– На шесть недель в целом, – вставляет продюсер.

– На шесть недель. Прости, Пен.

Она подползает ко мне на коленях, скорее всего, натерев кожу ковром.

– Ну пожалуйста, Сара! Это ведь может все изменить!

Вот этого-то я и боюсь.

– Будет весело! Целое приключение.

У меня болит в груди. Я правда хочу попытаться, для нее... хочу, чтобы у меня получилось, – для нее... но перспектива, как многое изменится, как много будет неожиданных неучтенных факторов, ужасает меня.

– Боюсь, я просто не смогу, Пен, – шепчу я.

Она берет меня за руку.

– Мы справимся вместе. Ты будешь приглядывать за мной, а я – за тобой.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать... но слова как будто застревают в горле.

– В следующем месяце Пенелопа должна приступить к воинской службе, – говорит мама продюсеру.

– От этого мы можем ее избавить, – отвечает мисс Херальд. – У нас есть подписанный указ принца Генри, освобождающий всех участниц от работы, учебы или любых других обязательств для «конфиденциального» дворцового поручения. Это – официальный королевский указ.

Ее слова заставляют меня похолодеть.

– Что вы сказали?

– Королевский указ. Это как манифест... приказ Короны...

– Форс-мажор. Стихийное бедствие, – шепчу я.

– Да, точно.

Шестеренки в моей голове вращаются.

– Можно и мне такой документ? Письмо для моего работодателя, если я отправлюсь с Пенни как помощница.

– Конечно. Многие женщины привозят с собой свой личный персонал – поваров, парикмахеров, инструкторов по йоге, выгульщиков собак... Будет интересно.

– Но могу я получить официальное письмо? – настаиваю я. – Чтобы получить освобождение на шесть полных недель.

– Разумеется.

Я встречаюсь взглядом с Пенелопой, и ее брови ползут вверх, ведь она точно знает, о чем я сейчас думаю.

– Это в корне меняет ситуацию, да?

Несомненно. Теперь я стою перед выбором меньшего из зол, и выбор этот очевиден. Я никогда не была чирлидером, но будь у меня пипидастры, сейчас бы размахивала ими, пока руки не начали б отваливаться. «Ура, реалити-шоу!»

– Покажите, где расписаться. Мы в деле.

6

Генри

Я под впечатлением. Всего пара недель прошла с моего звонка Ванессе Стил, и я уже с трудом узнаю это место. Замок буквально кипит жизнью – члены съемочной группы устанавливают освещение и камеры, разумеется, без ущерба исторической целостности. Фергус здорово волновался по этому поводу, но я его успокоил.

Теперь всегда есть с кем поболтать. Кто-то здоровается или задает вопросы или упоминает, как рад, что будет работать со мной.

Это, черт возьми, просто здорово!

Декораторы расставляют цветы, восхищенно ахают над старинными полотнами, над комплектами рыцарских доспехов или над Фантастической Стеной Смерти, как мы с Николасом ее называли. Это высоченная стена в большом зале, от пола до потолка увешанная оружием, с которым наши предки ходили в битвы. Сценаристы и режиссеры расхаживают по замку, делая заметки для сценариев.

Помощники режиссера и персональные ассистенты носятся вокруг, а скоро к ним, надеюсь, уже присоединятся и операторы. Ну и вообще, я совсем не против хорошеньких ассистенток...

Позже, в библиотеке, Ванесса разбивает мои возбужденные мечты с той же скоростью, с какой карета Золушки превращается в тыкву. Пуф!

– Никакого секса.

Мы проходимся по договору. Я не обязан подписывать соглашение о неразглашении с компенсацией в пятьдесят миллионов долларов, как каждый из участников этого проекта, но даже я должен следовать определенным правилам.

Долбанные правила. Куда бы я ни посмотрел, везде есть эти «можно», «нельзя», «должен» и чертовы «об этом даже не думай».

Неужели больше никто не умеет веселиться?

– То есть как это «никакого секса»? Я же видел ваше шоу – в сексе главная изюминка. Конечно, все лучшие кадры зацензурены, но был секс на пикнике, секс при свечах, секс после лесной прогулки. Я предвкушал эту часть сделки.

Она качает головой, и ее блестящие короткие волосы чуть колышутся.

– Будь готов к разочарованию. Это – королевский выпуск. Особенный. И потому правила тоже особые.

– Я не хочу быть особенным. Хочу быть как те обыкновенные парни, участвовавшие в других выпусках, – ну разве что я покрасивее. Чтоб поутру кто-то из участниц мне отсасывал, а вечером я уже мог заняться сексом с другой. И никто не злится. Это же потрясающее исследование человеческого поведения, – я аплодирую. – Браво, дорогая.

Она снова качает головой. Ну черт возьми, а!

– В данном случае мы продаем фэнтези. Сказку. Женщину, которую вы выберете, станет вашей королевой. И чтобы поддерживать этот фэнтезийный антураж, ты можешь развлекаться, как душе угодно, только без секса.

– Хочешь сказать, вы в самом деле нашли двадцать девственниц благородных кровей?

Потому что в таком случае все будет совсем не так весело, как я себе представлял.

– Я хочу сказать, совсем неважно, девственницы они или нет, покуда наши зрители в это верят, – она смотрит в окно, постукивая пальцами по столу. – Тебе же просто хочется

хорошо провести время, правда? Ты же не собираешься начать с одной из этих девушек что-то серьезное, остепениться?

– Я еще очень долго не планирую остепениться, дорогуша. Мой брат уже отработал эту часть нашей доброй репутации – в смысле, женился. И хотя одна из моих обязанностей – зачать наследника, мужчины могут иметь детей, даже когда им хорошо за пятьдесят. Так что у меня еще достаточно времени для тренировок, – я поднимаю стакан виски в честь Всемогущего. – И слава богу, что это так.

Ванесса кивает.

– Отлично. В таком случае мы оба получим как раз то, что желаем, Генри.

Я пробегаюсь по оставшимся пунктам договора.

– Нужно, чтобы твой адвокат тоже посмотрел, – говорит Ванесса.

– В этом нет нужды, – я поднимаю взгляд, держа ручку наготове. – Но хоть минеты-то не под запретом?

Она смеется.

– Нет. Просто будь осторожен.

Я подмигиваю.

– Осторожность – мое второе имя. Его точно стоило поставить в ряд моих титулов. Сразу после «иронии».

Я подписываю последнюю страницу с предвкушением, которому позавидовал бы даже Джон Хэнкок¹⁵. Ванесса забирает документы и кладет в кожаную папку.

– Мои поздравления, ты только что купил себе целый месяц развлечений.

Расслабленно откидываюсь на спинку стула, закинув руки за голову, полностью удовлетворенный миром вокруг меня.

– О, есть еще кое-что, – добавляет Ванесса. – Это касается твоего персонала.

* * *

Спустя десять минут все они были в библиотеке. Повар, Фергус, Джеймс с его отрядом безопасников собрались вокруг меня. Я стою в центре, как будто собираюсь вести нашу команду на футбольное поле, к победе.

– Я объяснил мисс Стил, что моему личному персоналу не нужно подписывать соглашения о неразглашении. Ведь Дом Пембрук, частью которого все вы являетесь, выше этого, честнее, и в таких документах просто нет нужды, – я встречаюсь взглядом с каждым из них, особенно пристально глядя на Фергуса. – Не так ли?

Не только бабуля умеет манипулировать.

– В общем, нам надо придерживаться только одного правила: никто ни о чем не рассказывает Ее Величеству. Надеюсь, это всем понятно.

Я обращаюсь к каждому из них. Фергус сверкает глазами, повар улыбается, а Джеймс и его парни выглядят так, словно их вот-вот стошнит.

Протянув руку ладонью вниз, я жестом приглашаю их добавить свои руки к моей.

– Ну, что скажете?

– Ваши родители сейчас в гробу переворачиваются, упокой Господь их души, – цедит Фергус, крестясь.

Внутренне я вздрагиваю. Внешне – просто пожимаю плечами.

– Не в первый уже раз, старик.

На этот раз его черед вздрагивать. Он смущенно смотрит вниз.

¹⁵ Джон Хэнкок – американский государственный деятель, один из сторонников революции. В частности, известен тем, что поставил особенно крупную подпись в Декларации независимости.

– Да ладно, – ободряю его я. – Не надо депрессовать. Такие вот настали времена – папа римский пишет в «Твиттере», политики троллят друг друга, а наследник престола ищет свою суженую в реалити-шоу.

– Это безвкусно и пошло, – возражает он.

– Ты многое, похоже, пропустил. Весь этот проклятый мир безвкусный и пошлый, – мой голос меняется, становится мягче, и я сам почти верю своим словам. – Она ведь где-то там, Фергус, просто ждет, когда я ее найду. Та женщина, которую мне суждено полюбить. Будущая мать моих детей, леди, которой суждено стать королевой Весско. Вдруг она одна из них? Вот это было бы настоящей волшебной сказкой.

Несколько мгновений Фергус смотрит на меня, хотя его лицо ничуть не смягчается, и наконец кивает. Он подходит ближе и накрывает мою руку своей.

– Ваш отец бы хорошо посмеялся над всем этим. Ему всегда нравилось хоть чуточку нарушать правила.

С улыбкой я хлопаю его по руке и перевожу взгляд на повара. Она широко улыбается. Щеки у нее круглые, пухлые, и этот ее провинциальный акцент, который ничем не скрыть, – прелесть.

– Я не пишу в «Твиттере», как папа римский, но все-таки... – она добавляет свою руку к нашей с Фергусом.

Джеймс шепчется с другими парнями, затем поворачивается ко мне, говоря от имени всей их группы.

– Сэр, это можно будет рассматривать как измену.

Я усмехаюсь.

– Нет. Никто ведь не говорит о разглашении государственных секретов или свержении монархии. Дело просто в том, что... если она чего-то не знает – это не доставит ей беспокойства.

Бедняга Джеймс потирает шею с таким видом, словно уже готов наложить в штаны.

– Принц Генри, я не могу солгать королеве.

Я качаю головой.

– Об этом я бы тебя никогда и не попросил. Просто... если она не спрашивает тебя напрямую, то ты ведь и не лжешь.

– Каждый день я направляю имейлы Уинстону. Он как следует ухватит меня за задницу, если узнает, что об этом я ему не рассказал.

Да, вот с этим непросто. Уинстон – главный «человек в черном» во всем дворце.

– Тогда постараемся сделать так, чтобы он не узнал. Продолжай слать свои отчеты. Просто пусть они будут более... размытыми. Общими. «Здесь у нас, в замке Анторп, все хорошо».

Он все еще выглядит неуверенно – слабое звено в нашей цепочке.

И я выкладываю свои козыри на стол.

– Послушай, Джеймс, теперь я – принц Дома Пембрук. Я понимаю, что я – не Николас и никогда им не буду. Но если вся эта затея пойдет к чертям, клянусь, ни ты, ни твои парни не примут удар на себя. Я этого не допущу. Так что это – вопрос доверия. Вы либо верите в меня, либо нет.

А мне чертовски нужно, чтобы в меня кто-то верил. Хоть немножечко.

Синие глаза Джеймса вглядываются в мои, словно он читает мои мысли. Спустя долгую паузу он потирает ладонями лицо.

– Да чтоб меня... мы с вами, принц Генри.

Парни за его спиной кивают, и я не могу сдержать улыбку.

– Вы – отличные ребята. Всегда мне нравились. Уже сейчас могу сказать, что вас ждет большой успех.

Джеймс и остальные безопасники накрывают своими ладонями наши. Ну и чтобы не выглядеть полным придурком, я не кричу, как чирлидеры, а просто киваю каждому из них, бью по рукам и говорю:

– Я горжусь всеми вами. И каждому из вас благодарен. Я не подведу вас. Вперед, команда!

7

Сара

Мистер Хаверстром совсем не рад, когда я приношу ему официальное письмо, согласно королевскому указу, который дает мне освобождение от работы на следующие шесть недель. Но, как он сам признал, уволить он меня не может. И хотя мне будет не хватать библиотеки и ежедневных ланчей с Энни и Уиллардом, в конце концов, оно того стоит. Неизвестность телешоу «Подберем пару» меркнет в сравнении с абсолютным ужасом выступления перед несколькими сотнями людей. Выбор очевиден.

Через десять дней после визита мисс Херальд за нами с Пенелопой прибывает машина, чтобы отвезти нас в замок Анторп. Замок находится всего в часе езды от Каслбрука. Это частная собственность королевской семьи, и территория хорошо охраняется, потому, хоть я и читала несколько книг об истории замка и видела его на фото, я там никогда не бывала.

Когда наша машина подъезжает к длинной извилистой дороге и останавливается перед гигантскими воротами из дерева и железа, я впервые думаю, что книга просто не может сравниться с реальностью. В воздухе витает запах соли и моря, и ветер с воды треплет мои волосы. Сейчас солнечно и прохладно, а огромный замок из серого камня, с его шпилями и башнями, флагами и цветами, подъемным мостом и рвом как будто сошел прямо со страниц сказки – «Золушки» или «Русалочки».

Да, волны разбиваются о скалы внизу, так что «Русалочка» – идеальное сравнение. И к тому же это мой любимый диснеевский мультфильм.

Несколько членов съемочной группы забирают наш багаж и куда-то уносят. Я вижу, как из машин рядом выходит еще несколько молодых женщин – в дизайнерской одежде и больших солнечных очках. Двоих я узнаю – Лауру Беннингсон, герцогиню Пертскую, и леди Корделию Оминсмитч, но другие мне незнакомы, хотя их наверняка знает Пенни. Мисс Херальд встречает нас в главном фойе и проводит короткую экскурсию, где что находится. Пенелопа сразу же выбирает себе комнату – большую розовую спальню на втором этаже, рядом с главной лестницей, как раз недалеко от основного места действия.

– Если можно, я бы хотела сама тут осмотреться, – говорю я мисс Херальд. – А комнату выберу позже.

– Конечно, можно, – отвечает она. – Команда, костюмеры и гримеры занимают все западное крыло, но любая свободная комната доступна, можете занимать.

Она передает Пенелопе расписание на день. Первые съемки пройдут сегодня вечером, перед замком, в полном составе, включая самого принца Генри – для первых сцен первого эпизода. Перед этим у Пенни интервью, консультация с костюмерами и знакомство с другими дамами в замке – предобеденный час с коктейлями.

Я обнимаю сестру, прежде чем мисс Херальд уводит ее.

– Удачи, Пен.

Мягкий взгляд ее карих глаз полон веселья.

– И тебе тоже. Если заметишь в этом старинном замке привидений – постарайся поймать в объектив!

Когда они уходят, я начинаю свою медленную прогулку по замку, впитывая буквально все, что вижу, разглядывая потолок и стены и все, что между ними. Размышляю о людях, которые стояли там, где стою я, по чьим следам я, возможно, иду прямо сейчас – величественные лорды и леди, сильные солдаты и воители, могучие короли и властные королевы.

Все это вызывает некое чувство смирения, и вместе с тем у меня перехватывает дыхание. словно энергия этих людей, сам их дух наполняют эти камни, говорят со мной, показывают мне – и направляют меня. Даже прежде, чем понимаю, где нахожусь, я оказываюсь в углу восточного крыла на третьем этаже. Здесь тихо – далековато от основных съемочных площадок. Дверь скрипит, когда я открываю ее и прохожу в спальню.

У меня замирает сердце.

Черт возьми, да! Я нашла себе комнату. Потому что для меня здесь идеально – просто идеально.

* * *

Позже, когда солнце начинает клониться к горизонту, но до заката еще несколько часов, весь состав дам и команда спускаются во внутренний двор замка. Ванесса Стил, исполнительный продюсер, объявила, что все ассистенты и те, кто непосредственно не участвует в съемках, должны оставаться внутри или по крайней мере не на съемочной площадке. Поскольку съемка проходит на открытом воздухе, она не хочет, чтобы кто-то из нас случайно попал в кадр.

Я нашла идеальное место, чтобы наблюдать за съемками – на лесистой стороне замка, на холме. И рядом есть дерево – на всякий случай, для укрытия. Отсюда открывается просто великолепный вид на вход в замок внизу, ну а с собой у меня книга, чтобы скрасить ожидание. Сев у дерева спиной к стволу, удовлетворенно вздыхаю. Это будет просто чудесно. Открываю книгу... и чуть не подпрыгиваю от неожиданности, когда сзади раздается покашливание.

Когда я поднималась сюда, то никого здесь не заметила.

Закрыв книгу, я осторожно выглядываю из-за ствола. Достаточно далеко... но ошибки быть не может – в нескольких ярдах от меня стоит Его Королевское Высочество принц Генри собственной персоной.

Тихонько охнув, я прячусь за дерево.

Когда я росла, была буквально завалена новостями о королевской семье, а стены моей спальни были увешаны плакатами с изображениями наших прекрасных принцев – как у каждой девушки в Весско. Николас был серьезным – уравновешенным, благородным, прямо как мистер Дарси. А Генри всегда больше походил на Фийеро Тигелаара из мюзикла «Злая»¹⁶ – веселый, страстный, легкомысленный, сосредоточенный разве что на какой-нибудь очередной вечеринке и на собственных удовольствиях.

Поднимаюсь и осторожно выглядываю из-за дерева, чтобы взглянуть на него еще разок.

Сердце колотится как бешеное, и голова идет кругом, а горло сжимается, потому что – о господи, боже мой! – он идет прямо сюда! Целенаправленно, широким шагом, прямо в мою сторону. А значит, когда он будет здесь, мне придется с ним заговорить.

Хотя нет, мы встречались с ним однажды, совсем ненадолго – в прошлом году, в пабе, где он был со своим братом и Оливией Хэммонд, которая теперь принцесса Оливия, герцогиня Фаирстон. И хотя я знаю немало деталей о жизни принца Генри Джона Эдгара Томаса, для меня он по-прежнему остается красивым незнакомцем. А с незнакомцами я не слишком хорошо общаюсь.

Я озираюсь по сторонам в поисках пути к отступлению. Просто свернуться калачиком за деревом, как улитка в ракушке, уже не получится – очевидно, он заметил меня. «Вот черт!» Смотрю на ветки – я ведь отлично умею лазить по деревьям, – но даже самая низкая из них все-таки слишком высоко, чтобы до нее допрыгнуть. «Ну черт возьми!»

Он уже почти здесь. «Вот дерьмо. Дерьмо!»

¹⁶ Wicked: The Life and Times of Wicked Witch of the West – мюзикл и сериал.

Кажется, мне не хватает воздуха, и я вот-вот потеряю сознание. Что ж, по крайней мере тогда проблема разговора с ним будет решена, но от этого еще более неловко – это я по собственному опыту говорю.

Мысленно встряхиваю себя. Мне просто нужно придумать, что сказать. И теперь единственная мысль, витающая у меня в голове: «Придумай-хоть-что-то, придумай-придумай-придумай».

Руки у меня потеют и немеют.

Я могла бы осведомиться о здоровье его матери – это всегда безопасный ход в любой беседе. Вот только... его мать умерла.

«Да пропади оно все пропадом!»

И... он уже здесь.

Я быстро опускаю взгляд и замираю, как олень в свете фар. Неотрывно смотрю на его черные ботинки, начищенные до зеркального блеска, потом поднимаю взгляд чуть выше, к его стройным ногам, затянутым в... полиэстеровые брюки? Бедрa и пояс прикрыты белым пиджаком с ярко блестящими пуговицами с пурпурными вставками, а широкие плечи украшены эполетами с золотыми кистями.

Какой глупый наряд – как костюм Прекрасного принца, – но даже в таком наряде он умудряется выглядеть просто сногсшибательно.

Верхняя пуговица застегнута, подчеркивая его сексуальный мужественный кадык. У него точеный подбородок, покрытый короткой щетиной, дьявольски привлекательные полные губы, прямой царственный нос, густые, непослушные темно-русые волосы и такие красивые глаза, от которых захватывает дух, а слова и мысли просто теряются. В них словно заключена зеленая буря, и вместе с тем они теплые, как изумруды, отражающие солнечный свет. Я помню, как увидела его впервые и подумала, что ни один из его портретов не мог передать его удивительные глаза.

И теперь, когда я снова вижу его, убеждаюсь в этом снова.

Даже если бы дар речи не покидал меня регулярно, сейчас бы точно покинул.

Принц Генри хмурит брови, глядя на меня почти недовольно.

– Кто-то умер?

Вопрос настолько нелепый, что я даже забываю паниковать.

– Что?

– Или вы – ведьма? – он прищелкивает языком, качая головой. – Простите, викканка. Язычница? Поклонница темных искусств? Какой нынче политкорректный термин?

Это что, происходит на самом деле?

– Эм-м... Думаю, виккане – вполне приемлемо.

Он кивает.

– Точно. Так, стало быть, вы – викканка?

– Нет. Католичка. Не особо набожная, но...

– Хм, – он указывает на мои руки. – А что вы читаете?

– О... «Грозовой перевал».

Он снова кивает.

– Хитклифф, да?

– Да.

– Так это про толстого рыжего кота?

Я пытаюсь осмыслить, что он говорит. Комикс! Он думает, что я читаю комикс про кота Хитклиффа.

– Вообще-то нет, это о молодых мужчине и женщине, которые...

Он прищуривается, и уголки его губ подрагивают в улыбке, и я понимаю, что краснею.

– Вы шутите надо мной, Ваше Высочество?

– Ну да, – он посмеивается. – Кажется, получается не очень. И прошу, зовите меня Генри. Мой голос звучит еле слышно, когда я пробую повторить:

– Генри.

Он все еще улыбается, но его улыбка смягчается – словно ему понравилось, как я это произношу. А потом, опомнившись, приседаю в реверансе, как и надлежало с самого начала.

– Ох. А я...

– Вы – леди Сара фон Титиботтум.

Внутри разливается тепло.

– Вы помните меня?

– Я никогда не забываю хорошенькое личико.

Мои щеки из розовых становятся ярко-красными. Цвета я меняю чаще, чем хамелеон, – это мое проклятие.

– Обычно я не очень хорошо запоминаю имена, – его взгляд скользит к моим бедрам, хотя он пытается смотреть мне за спину. – Но Титиботтум – весьма запоминающееся имя.

Обычно, когда я нервничаю, то просто молчу, но почему-то сейчас мне «повезло», и этот момент стал исключением.

– Вот вроде бы да, запоминающееся, но у некоторых профессоров у нас в университете были проблемы с произношением моей фамилии. Дайте-ка вспомнить. «Титьботум». Титьботам... а кто-то даже настаивал, что произносить следует как Титьки-боттум. Не каждый день услышишь слово «титьки» от уважаемого профессора. Вся наша группа веселилась несколько недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.